

ПОДСНѢЖНИКЪ.

1829.

Видъ въ Санктъ.

Графъ М. Кочинъ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ПОДСНѢЖНИКЪ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ

ДЕПАРТАМЕНТА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

1829.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ :

съ тѣмъ, чпобы по отпечатаніи представ-
лены были въ Цензурный Комитетъ три
экземпляра. С. Петербургъ, Февраля 9 дня
1829 года.

Ценсоръ К. Сербиновичъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

П Р О З А.

Стран.

Байсаго.

Русалка, малороссійское преданіе . . . 59

Глинки (О.)

Листокъ изъ дорожныхъ записокъ
Рускаго Офицера 1

Солова.

Оборопечь, народная сказка . . . 189

Неизвѣстнаго.

Маскарадъ, истинное происшествіе 125

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Баратынскаго.

Княгиня З. А. Волконской, на опъ-
вздъ ея въ Испанію 151

Князя Вяземскаго.

Станція 52
Садовка 86
Волпснїе 142

Глинки (Ө.)

Опшривки изъ описательнаго спи-
хопворенія: *Корелія* 55

Князя С. Голицына.

Досада 115

Барона Дельвига.

Руская пьсня 153

Хоръ изъ Колиновой трагедіи:

Поликсена 238

Дѣдушка! дѣвицы и пр. 250

Илличевскаго.

Баронессъ С. М. Д., при поднесе-
ніи ей духовъ: *Ambroisie* 31

Въ альбомъ Баронессъ О. Ф. Корфъ 85

Корсака.

Гуда 161

Пьсня. 186

Прощальныя поцѣлуи 248

Крылова (И. А.)

Бришвы, басня 29

А. К.

Полночь въ городѣ. 116

Ударъ грома. 154

Внезапная смерть 230

Мансурова.

Тополь 158

Масальскаго.

Буря 50

Н. А.

Ошрывокъ изъ русской сказки . . . 155

Ободовскаго.

Желаніе (изъ Матисона) 52

Подолнскаго.

Волшебница 114

Эпипафія 118

Ошвѣпъ 122

Надежда 141

Къ * * * 148

Шорпрешъ 237

Познанскаго.

Альсугара, Баллада (изъ *Валленрода*) 162

Пушкина (А. С.)

Иримѣшы 159

Литературное извѣстіе 188

Пушкина (В. Л.)

Капитанъ Храбровъ, повѣсть.

Глава I. 170

И. П.

Графу Д. И. Хвостову, по случаю

изданія имъ новаго своего стихо-

творенія: *Консерты въ залъ*

Д. Л. Нарышкина 54

Барона Розена.

Ангель смерти 149

Ироцальная слеза 184

Вьнценосной Спрадалицъ 251

Шевырева.

Партизанкѣ классицизма. 167

Щастнаго.

Фарисъ (изъ Мицкевича) 17

Ревность. 140

Къ * 226

Подражаніе древнимъ. 249

Языкова.

А. Н. В—фу, на опъездъ его въ ар-
мію 160

Элегія 240

Эпиграммъ. 241

Неизвѣстныхъ.

Три сцены изъ драматической поэ-
мы: *Ижорскій* 90

Весенняя нѣспя 118

Криптику Ахинеину 121

Припчи 182

Въперъ 227

Любовь узника 229

19 Октябрю 1828 года 256

На стран. 66 въ спрокъ 2 вкралась опечатка. Тамъ напечатано: *отъ свѣта*, должно читать: *отъ слезъ*; а на 251 стр. въ последнемъ стихѣ, вмѣсто: *И на часахъ любви*, должно читать: *И на часахъ времени*.

ЛИСТОКЪ

ИЗЪ ДОРОЖНЫХЪ ЗАПИСОКЪ РУС-
КАГО ОФИЦЕРА НА ОБРАТНОМЪ
ПУТИ ВЪ РОССІЮ.

Городъ Вицбургъ.

Вошь одинъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ Германіи! Красивое мѣстоположеніе, величественныя зданія, сады, гулянья, все дѣлаешъ городъ сей надолго памятнымъ для путешественника. По послѣднимъ условіямъ, Вицбургъ доспался Баваріи въ замѣнь Тироля. Положеніе города очень живописно. Онъ возвышаешся въ долину, орошаемой Майномъ, красавцемъ между рѣкъ. —

Черезъ него перегнутъ большой каменный мостъ на восьми сводахъ. Легкія, миловидныя лодки бѣгають сюда и сюда по разнымъ направленьямъ. Спрои мачшовыхъ судовъ, на якоряхъ, ожидаютъ полько груза и свободы, чшобъ пуспишься внизъ по печенію въ Рейнъ и по Рейну. —

На самомъ берегу устроены бани и купальни, копорыя привлекають опряшною наружноспію и сулять роскошь и освѣженіе.

Площадь предъ дворцомъ правильна, проспранна и очень красива; а дворець, кажешся, не уступитъ ни одному изъ знаменипѣйшихъ въ Европѣ.

С а д ъ.

Есть эпоха времени въ испоріи Германіи, въ испоріи Европы, когда люди, можно сказаць, любили войну

и война возгоралась за все: за вѣру, за торговлю, иногда по разчетамъ полипики. Люди были тогда ближе къ природѣ, слѣдственно жили болѣе и здоровѣе. Можеть бышь участпокъ дѣйствующиыхъ силъ, остававшійся отъ земледѣлїя, которое еще младенчествовало, и торговли, еще не возмужавшей, можеть бышь сей участпокъ былъ слишкомъ великъ, чѣтобъ оставаться въ покоѣ. Отъ сего избытокъ силъ проявлялся въ поступкахъ насильственныхъ, отъ которыхъ надлежало ограждаться стѣнами. Тогда и Вирцбургъ или, справедливѣе сказать, замокъ въ Вирцбургѣ былъ обнесенъ высокими валами, одѣтыми камнемъ, окруженъ глубокимъ рвомъ. Но продолжительный миръ, мало по малу, превратилъ сіи валы въ прекрасные сады, въ оча-

ровашельныя гульбища. И вопъ, гдѣ гремѣли пушки — зеленѣющъ деревья; гдѣ курилась сѣра — благоухающъ цвѣты! — Однимъ словомъ: крутомъ дворца успроенъ садъ въ ипальянскомъ вкусѣ и шакъ хорошъ, такъ хорошъ, что не можешъ не поправишься и самому жаркому любипелю англійскихъ парковъ. Хошите ль имѣшь поняшье объ эпомъ садѣ? — Вообразите, что кто-нибудь, богатъ роскошный, желая закрѣпъ, закуташь безобразье крѣпосныхъ валавъ, приказалъ усплашь ихъ разноцвѣтными коврами и бархашами. Вообразите, что какой-нибудь многомоцный гений сказаль миловиднымъ роцамъ, изображеннымъ въ карпинахъ лучшихъ художниковъ: » выспушайте и зеленѣйте! « сказаль водамъ: » спруитесь и бѣйте водоме-

пами! « сказала цвѣтникамъ: » будьте карпинны и благоухайте! « И все сбылось, какъ сказалось. — Въ самомъ дѣлѣ, когда смопришь съ вышины, весь садъ почно кажется успаннѣмъ множеспвомъ ковровъ, которыхъ узоры живутъ и песпрѣютъ.

Дворецъ.

Величеспвенное, великолѣпное зданіе! Любисель зодчеспва оспановися съ любопышеспвомъ, что бы всмопрѣшься въ разположеніе чашей, въ общую красоту цѣлаго. — Не знаю отъ чего, мнѣ всегда приходисъ желаніе сравниватъ превосходныя зданія съ произведеніями поэзіи. Иное кажется смѣлою одою, другое роскошною поэмою, иное миловидною идиллією. Такъ, мысль челоуѣческая одна и ша же въ суще-

спѣвъ своемъ! Зодчій, живописецъ, ваятель и поэтъ облакають свое духовное въ различныя формы материальнаго. Вездѣ одинъ и тотъ же законъ порядка, согласія и распорядительнаго (симметрическаго) разположенія частей. Не знаю такъ ли это, но знаю, что Вирцбургскій дворецъ сдѣлалъ впечатлѣнiе на душу мою, какъ прекрасное созданiе поэзи.— Войдемъ и посмотримъ его.

Вотъ большая лѣстница: она, кажешся, приглашаетъ васъ ийти по ней! Вотъ живопись *Тьеполо!* Надъ головой круглился сводъ, мастерское произведенiе зодчества, прекрасно убранный пластическимъ искусствомъ. Но мы не зодчiе; пришли только взглянуть! Идемъ все далѣе, далѣе.... Залы, комнаты мелькають, одна за другою, какъ перемѣны

счастія на пуши жизни. Каждый имѣетъ свой характеръ, заключаешъ особенное намѣреніе, особенную мысль, копорая проявляешся въ уборахъ, въ разположеніи. — Вотъ на примѣръ, спальня молодой Принцессы. Это шаперъ изъ голубаго гродешуру! Пополокъ — сводъ неба, усѣянный свѣтлыми, серебряными звѣздами. Вообразите свѣжую, безуспешную молодость, покоящуюся въ бѣлой почивальной одеждѣ, на голубомъ ложѣ, въ голубой спальнѣ, подъ серебряными звѣздами: каковы должны бытъ ея сновидѣнія? . . . Каршинныя и зеркальныя галереи ведутъ насъ еще далѣе. Но вотъ опять комнаты, заставляющія пріоспановишься: вотъ вся лиловая; вотъ оранжевая съ черною опдѣлкою! Во многихъ соединеніе золота и зеркаль угождаешъ

вкусу и зрѣнію. Шкопорыя убранны коврами Гобеленовой фабрики. Персы и Греки сражаются на эпихъ спѣнахъ: кони топчуть сбиныхъ съ коней; воины схватываются съ воинами; кажешся, вы слышали прескъ сихъ переломившихся копей, сей разсѣченный шлемъ, кажешся, покапился къ ногамъ вашимъ Эпо побѣды Александра Великаго! Рисунки смѣлы, краски ярки, фигуры имѣютъ какую-то особенную выпуклость: много жизни; буря военная очевидна; движеніе ошущительно. — Но вопъ еще что-то совѣтъ особенное! бывають комнапы, уставленные зеркалами, а эпа соспавлена изъ зеркалъ венеціанскихъ, разписанныхъ искусною кистью. Эпо можетъ быть и не совѣтъ изящно для вкуса, но прекрасно для глазъ. —

Теперь войдите сюда, чтобы наслаждаться долѣе и искреннѣе. Мы вошли въ проспранную залу, прикрывшую большимъ сводомъ, или, если дозволите такъ выразить, небольшимъ небомъ, подпершымъ рядами стройныхъ столповъ изъ розоваго мрамора съ золотыми украшеніями. Сей куполь разписанъ тѣмъ же *Тьерпо*. Пусть спростіе цѣнители не называютъ его первокласнымъ, но здѣсь онъ очень хорошъ. На изгибистыхъ полоскахъ свода, въ сокращенныхъ, выпуклыхъ рисункахъ, видишь цѣлый миръ въ какомъ-то порядочномъ безпорядкѣ. Здѣсь по чешыремъ угламъ представлены чешыре часпи свѣща въ символическихъ изображеніяхъ. — Видимъ Европу съ ея науками, замыслами и суепами. Азія, важная, величественная, съ ея шор-

говлею , долгошейными верблюдами и прекрасными невольницами. Вопшь Африка съ спройными пальмами , долгогривыми львами , съ могучими питрами и общеспвомъ черноликихъ , курчавыхъ людей. — Я видѣль Америку съ ея Кациками въ ихъ головныхъ уборахъ изъ перьевъ , раковинъ и золоша. Средина купола , голубая , воздушная , кажешся небомъ изъ міра , современнаго золошому вѣку. Цѣлыя семейства Купидоновъ легко и свободно порхаюшъ въ дымчашыхъ , перломупровыхъ облакахъ. — Но кто вздумалъ пошупишь надъ бѣднымъ живошнымъ ? Кто посадилъ шупъ , въ углу , на превысокой колоннѣ , прекрасивую собаку ? — Не бойшесь , не упадепъ : она нарисована , а шочно какъ живая ! Такъ и о многомъ : гошовъ бишъся объ закладъ , что шо

и то налѣплено, тогда какъ оно только нарисовано! Можешь бышь округлосшь и высота помогающъ очарованію. — Холодный умъ! не приближайся съ своею взыскашельною почностію къ свящилищу художествъ: оставь воображенію обманываешь и наслаждаешь! Я уношу, въ сокровищницѣ моей души и памяти, собранную въ сихъ черпотахъ обильную жашву образовъ, очерпаній и яркихъ, пѣнишельныхъ красокъ; я уношу общее, полное чувство, похожее на то, которое предшешествуетъ, въ душѣ поэта, порожденію жаркаго лирическаго произведенія. Міръ идеальный удѣляетъ не раздѣляясь, богашинъ не скудѣя: никшо не потонисья, никшо не опъимешъ похищеннаго и я принесу въ оледенѣлые лѣса моего Сѣвера воспомина-

нїя , собранныя подъ небомъ болѣе крошкѣмъ , въ мѣспахъ , гдѣ художества осуществили мысли и намѣренїя великихъ художниковъ. — При выходѣ къю - то спукнуль ногою на лѣспницѣ , и надъ головами раздался спрашннй громъ : эпо сводѣ , успроеннй по свойспву эллипсиса.

Утреннее купанье.

Я вѣрю , что въ первобытныя времена , когда еще не знали недуговъ , порождаемыхъ искусственною , принужденною жизнїю , многосложными яспвами , а болѣе всего раздражительностїю , производимою раздраженными спраспями , — въ нѣ времена папрїархальной проспаны доспачно было погрузиться въ волны пуспынной рѣки , чпобѣ получить изцѣленїе въ недугахъ. — Ку-

панье въ Майнѣ подкрѣпило во мнѣ сію увѣренность. Я видѣлъ прелестную каршину: прикосновеніе первыхъ лучей прекраснаго лѣпняго упра къ серебряной полосѣ живописно-красивой рѣки. Когда послѣдній опшѣнокъ сизыхъ сумерковъ упренноюющей ночи смѣшался съ алымъ сіяніемъ зари, свѣжестъ упра, какъ нѣжное дыханіе неба, поспешенно сближалась съ свѣжестію рѣки и онѣ, казалось, лобызались, какъ уста молодыхъ супруговъ, цвѣшущихъ здравіемъ и свѣжестію силъ. — Между шѣмъ древній замокъ, еще вооруженный неразряженными орудіями, какъ будто изкосясь, глядѣлъ съ вышины виноградной горы въ пихія воды. Рѣзкія черпы сей безобразной швердыни сумрачно рисовались на свѣпломъ разкашѣ небосклона, обращенно

изобразившагося въ рѣкѣ, отражавшей въ себѣ дома, зданія, длинношпінныя мачты судовъ и берега, украшенные дѣлами рукъ человека, полюбившаго прудъ и образованіе. — Свѣжъ и весель вышелъ я изъ ласковыхъ, гостепріимныхъ волнъ, въ которыхъ пурпуръ зари сливался съ золотомъ первыхъ лучей всемірнаго солнца и съ синевою и перломупромъ германскаго неба. Я былъ весель, но шайная дума заронила въ сердць: въ какихъ краяхъ, подъ какими небесами пропекають шѣ завѣшныя воды, гдѣ можно омыть душу и успокоить поскующую жизнь?

28го Іюня. *Вирибургъ.*

Съ какою неизъяснимою силою музыка дѣйствуетъ на чувства, на все наше существо, хотѣлъ я сказать!

Сегодня былъ я въ придворной церкви и убѣдился въ силѣ очарованія музыкальнаго. Превосходный органъ, нѣсколько лучшихъ музыкантовъ и нѣсколько пѣвцовъ наполняли торжественную пишину храма такими звуками, такими звуками, копорые, сдавалось мнѣ, увивались вокругъ сердца съ неизъяснимою ласкою и уводили за собою воображеніе далеко за предѣлы пространства и времени, спѣсненнаго условнымъ счисленіемъ лѣтъ и періодовъ. Нѣкопорые переходы пробуждали сочувствіе ко всему прекрасному, возвышенному... Но были звуки чарующіе: они возбуждали уныніе помилельное и сладостное; при ихъ прикосновеніи возспавалъ длинный рядъ минувшихъ воспоминаній: радости, надежды и сраданія возникали изъ шуманной обла-

спи прошедшаго, какъ шѣни, вызванныя изъ сумраковъ бытія подземнаго.

Но вдругъ исчезло все наше, все здѣшнее: разпроганный, упоенный слушатель, я возносілся въ высшій, духовный міръ — и, казалось, готовъ былъ спросить: гдѣ же планета, называемая землею?...

Федоръ Глинна.

Ф А Р И С Ъ. 1)

КАССИДА

(въ гестъ Эмира Таджула Фехеръ. 2)

ИЗЪ АДАМА МИЦКЕВИЧА.

Какъ радостно освобожденный чолгъ,
Красуясь, лебедемъ по влагъ рѣснѣ ясной,
И веслами се объемлетъ сладоснрасно
И выею возноснся средъ волгъ:

Таковъ Арабъ, когда на спечь, не зная
страха,
Съ упеса на конѣ низринется съ размаха,
Когда въ сухихъ спруяхъ копыта зашнпнть,
Какъ въ воду брошенный расплавленый бу-
лакъ.

Спнхотвореніе сіе, недавно написанное
Г. Мицкевичемъ, до напечатанія на польскомъ
языкѣ, переведено по желанію почтеннаго
поэта съ его руконисн.

Уже плывешь, уже дробить
 Вазы выпучие конь рьяный
 И гордо океанъ песчаный
 Дельфина грудью бороздишь.
 Чпо разъ сильный, чпо разъ сильный,
 Едва слегка неску коснешя;
 Чпо разъ быспрый, чпо разъ быспрый,
 Надъ пыли облакомъ несешя.

Чпо бурная туча, мой конь вороной, з)
 Челю его блестящъ звездою денницы,
 Разкинувши гриву, красавецъ снѣжной
 Поленомъ ногъ бѣлыхъ менаемъ зарницы.
 Мчесь, лешушь мой бѣлоногий,
 Прочь лѣса, холмы съ дороги!

Напрасно пальма молодая
 Съ плодами, нѣвно ждешь меня;
 Я спремениами жму коня,
 И пальма, онъ сныда старая,
 Смущенныхъ взвесень не смѣя глазъ,
 Поемънно кроешя въ оазъ
 И лисневъ шопономъ щеславному смѣнешя.
 Все щесно: Бедушь какъ молнія несешя.

Тамъ скаль громады вѣковья,
 Пустыни спражи межевыя,
 Сомкнушой цѣною снолнть;
 Въ меня вверивъ угрюмый взглядъ,
 Съ насмѣлкой поношъ невноряюшъ
 И въ слѣдъ угрозы посылаюшъ:
 » Куда лешншъ безумецъ сей?
 Тамъ онъ пронзаюшихъ лучей,
 Въ часы поминельнаго зноя,
 Не даснть шебъ прохладу, нѣтъ
 Зеленовласой пальмы стѣнъ.
 Въ шапуръ не вкусншь ны покоя:
 Тамъ сводъ небесный — швой шапуръ,
 Песокъ — аджемскій швой коверъ.
 Только скалы шамъ почуюшъ,
 Только звезды шамъ кочуюшъ.»

Угрозы ваши шцестны, лживы.
 Я ускоряю бѣгъ рѣшнвый,
 Опержаю легкій прахъ;
 Пономъ, привспавъ на спременахъ
 И обернувшнсь, взоръ презрѣннй
 Бросаю смѣло я назадъ

И со спыдомъ гиганшовъ рядъ
Сокрылся въ мракъ опдаленья.

Но коршунъ, внимая угрозамъ ихъ, мнилъ,
Чшо будетъ пожива; пуспился за мною
И крылья разширивъ надъ **Шейха** главою,
Въидомъ ес чернымъ прикрапы обвилъ.

» Чую, каркнулъ, мерпвеца: 4)
Вошъ несутся два глупца —
Всадникъ ищеть здѣсь дороги,
Ищеть корма бѣлоногій...
Изь пуспыни сей песковъ
Вамъ не вынеспи головъ.
Только въперъ здѣсь вишасеть,
Унося свой зыбкій слѣдъ;
Гады лишь она пишасеть:
Въ ней для коней паспбищъ пѣшь.
Только прупы здѣсь почувють,
Только коршуны кочують.»

Ошъ, каркая; дерзко па бой вызывалъ.
Въ глаза мы взглянули другъ другу прикрапы.
Кто жъ вздрогнулъ? Ошъ вздрогнулъ, сопер-
никъ крымашый!

Когда же упругій майданъ 5) натягалъ
И коршуна взоромъ слѣдилъ я далѣко,
Онъ, взвѣсившись, въ небѣ черпѣлся высоко;

Сперва казался воробѣемъ,
Еще мгновенье — мопылькомъ,
Тамъ комаромъ еще мелькнулъ —
И весь въ лазури попопнулъ.

Мчись, лешунъ мой бѣлоногій;
Скалы, коршунъ, прочь съ дороги!

Тогда по тверди голубой
Внезапно облакъ бѣлокрылый
Въ погоню кинулся за мной;
И на свои надѣясь силы,
Онъ мнилъ, въ безуміи своемъ,
Прослыть подобнымъ мнѣ гонцемъ.
Онъ надъ головой моею повиснулъ
И мнѣ угрозу съ вѣтромъ свиснулъ:

»Куда, смѣльчакъ, направилъ путь?
Тамъ воздухъ гибеленъ плетиворной,
Онъ жажды тамъ разнаешъ грудь
И дождикъ влагой благошворной
Тебѣ чела не освѣжитъ.

Серебровзвучный не журчитъ
 Ручей на почвѣ разнащенной,
 На вѣкъ бесплодно обреченной.
 Роса на землю не падеть, —
 Голодный вѣнръ се пожретъ.»

Вопще мнѣ врагъ грозитъ хваспливый;
 Я снременами жму коня
 И продолжаю бѣгъ ренивый.
 Ему ль, ему ль насничь меня?
 Уснальный облакъ снать слоняшься,
 Главою долу преклоняшься
 И на хребенъ высокій скалъ
 Вдругъ обезсиленный унать,
 Снѣдаемый снѣдомъ и мщеньемъ.
 Я наказать его — презрѣнемъ
 И далъ бѣгъ мой уснремилъ.
 Гляжу назадъ — уже онъ былъ
 На нсбо цѣлое за мною.
 Томимый злобою нѣмою,
 Онъ, нзмѣняяся лицомъ,
 Сперва досады багрецомъ,
 Тамъ желчью завнени обнлся
 И пнчернѣвъ, въ горахъ укрылся.

Мчись, лепушь мой бѣлоногій;
 Коршунъ, облакъ, прочь съ дороги!

Я озираюсь... въ снхъ мѣснахъ,
 Ни за плечьми, ни надъ главою,
 Ни на земль, ни въ небесахъ
 Погони не было за мною.

Здѣсь природа, въ крѣпкомъ снѣ
 Погруженная онъ вѣка,
 Снопъ не слышитъ чловѣка;
 Снятъ спихи въ пишинѣ,
 Такъ вечернею прохладою
 Средь Темена снечей
 Непануганныхъ звѣрей
 Спишь кочующее стадо.

Не призракъ ли, не зрѣніа ль обманъ?

Не первый я среди пустыни:
 Окопанный — я вижу — блещетъ стапъ

И гордо высаялся пивердыни;
 Бѣлыонъ кони, сверкаютъ лапы...
 Узнавъ, что ѣдетъ кунецъ богатый,
 Навѣрное зашли удальцы

И спорожанъ свою добычу.

Я къ нимъ — стоятъ; я громко кличу—
Безмолвствуютъ. Чпо вижу? . . . меривсцы!

То караванъ давно забытый,
Пустыни вътрами опрытый,
Какъ привидѣній грозныхъ рядъ,
Какъ будто бы дружина Джинновъ 6) сильныхъ,
То коспи всадниковъ сидятъ

На основахъ верблюдовъ длинновѣйныхъ.

Сквозь гвѣзда высохшихъ очей,
Изъ обнаженныхъ челюстей,
Безоспаповочно струится
Ручьями пыльнымъ песокъ
И шепчетъ такъ: не возвратился
Самонадѣянный вздокъ
Подъ независимыя сѣпи
Изъ урагановыхъ владѣній,
Гдѣ даже алчущій шакалъ
Еще слѣдовъ не пролагалъ.

Степей африканскихъ мушкетель летучій,
По шопямъ песчанымъ ходилъ Ураганъ. 7)
Меня онъ завидѣлъ и гнѣвно - могучій,
Крутился, изумленный шумѣлъ великанъ:
»Кно это, онъ молвилъ, наглець дерзновенный,

Который изъ братьевъ ничтожный, презрѣнный,
 Полепомъ поземнымъ здѣсь смѣетъ лешаить,
 Дерзаетъ наслѣдье мое попираеть?»

Съ досады поппуль онъ погою
 И двинулся ко мнѣ горою;
 Потрясъ всю Емена спрану
 И сильными схвативъ когнями,
 Меня помчалъ онъ въ вышину;
 Дыханьемъ жегъ, разилъ крылами,
 То вверхъ, то внизъ меня кидаль,
 Горячимъ щебнемъ засыпаль...
 Напрасно! Я, возираювъ смѣло,
 Его хватаю пополамъ,
 Грызу, перзаю по частямъ
 Его песчанистое шѣло.
 Тьеснимъ безпренешнымъ врагомъ,
 Хопѣль онъ вверхъ уйши сполкомъ:
 Рванулся вдругъ, переломился,
 Тамъ въ дождь песчаный превратился
 И, какъ градской огромный валъ,
 Къ ногамъ моимъ пропивникъ валъ.

Я отдохнулъ и въ небо взоры
 Самодовольные вверилъ:
 Передо мной вращался хоры
 Небозримые свѣшилъ.
 Казалось, красавиць ночи,
 Нанерсениць и подругъ луны,
 Ко мнѣ съ небесъ уснаренны
 Злашосіяющія очи.

Въ сей странѣ небынія
 Изъ живыхъ одинъ былъ я.

Какъ сладосно груди усналой
 Почной прохладою дохнушь!
 Свободно дышенъ Шейха грудь:
 Прошедшаго — какъ не бывало;
 И воздуха нушеныи всей
 Едва ль на вздохъ доснашенъ ей.
 Какъ радосно мой взоръ гуляеть!
 Какъ быспроленный, безъ пренокъ,
 Неуснаранно онъ ширяеть
 За безиредельный небосклонъ!
 Какъ сладко, любо на свободѣ
 Умилно къ манери природѣ

Радусныя обяшья просширанъ!

Я ихъ просперь, и мѣрь, какъ брата,
 Хочу, съ востока до заката
 Обилье, къ груди нылающей прижать!
 И мысль сквозь снѣжную пучину
 Ленишь, ленишь — и какъ спрыла
 Въ небесъ вонзается верщину.
 Какъ медоносная пчела,
 Вирусная жало, съ нимъ хороишь
 И сердце вѣбень — шакъ моя,
 Во слѣдъ за мыслию лентя,
 Душа вознорженная шонень
 Въ лазурно-ясныхъ небесахъ,
 Гдѣ вѣчно царешвенъ Аллахъ!

В. Щастный.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

- 1) *Фарисъ* — у Арабовъ - Есдушноеъ — вишязь, наводникъ (chevalier).
- 2) *Таджу'л Фехеръ*. — Подъ симъ именемъ извѣстенъ въ Аравіи Графъ Вацлавъ Ржебускій. *Тадж' - ул' фехеръ* — значить по-арабски *вѣнецъ славы*.

- 3) Описаніе коня переведено слово въ слово съ арабскаго чешыресишія, помѣщеннаго въ примѣчаніяхъ къ Арабской Анеѳологіи Г. де Лагранжа (de Lagrange).
 - 4) *Чую, каркнуль, мертвца.* На Востокѣ есть повѣрье, что хищныя птицы предчувствуютъ смерть человѣка.
 - 5) *Майданъ* — лукъ.
 - 6) *Джидинъ* — слово арабское, соотвѣстственное персидскому *Дивъ* — злоредный духъ.
 - 7) *Ураганъ* — слово американское: *Урикаль,* буря подъ пропикомъ. Слово сіе употреблено здѣсь болѣе поному, что оно извѣстнѣе въ Европѣ, нежели арабскія: *Селуль, Гаруръ,* имѣющія съ нимъ одинакое значеніе.
-

Б Р И Т В Ы.

Б А С Н Я. (*)

Съ знакомцемъ съѣхавшись однажды я въ дорогъ,
Съ нимъ вмѣстѣ на одномъ ночлегѣ ночеваль.

Шоуиру, чушь лишь я глаза продраль —
И чиноже узнаю? ... Пріятель мой въ шревогъ;
Вчера заснули мы межъ шутокъ, безъ заботъ,
Теперь я слушаю — пріятель спалъ не потъ:

То вскрикнешъ онъ, то охнешъ, то вздохнешъ.
» Чино сдѣлалось съ побой, мой милой? ... Я надѣюсь,
Не болеть шы. « — Охъ! ничего: я брьюсь —
» Какъ! шолько? « — Тушь я вспаль; гляжу:
проказникъ мой

У зеркала сквозь слезъ шакъ кисло морщинъ рожу,
Какъ будто бы съ него содрать сбрались кожу.

(*) Басня сія перепечашивается по желанію почтеннаго нашего Баснописца. Въ списокъ, съ котораго она была напечатана въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ*, пропущены были два стиха (5-й и 6-й).

Узнавши наконецъ вину бѣды такой,

» Чшо дива? « я сказать, » ны самъ себя пираишь

Пожадуй посмотри,

Вѣдь у тебя не бришвы, косари;

Не бришлся, мучишься ны шолько съ ними стапещь

— Охъ, бранецъ, признаюсь,

Чшо бришвы очень шуны,

Какъ этого не знашь? вѣдь мы не шакъ ужъ глупы

Да осирыми - шо я поръзанья боюсь. —

» А я, мой другъ, шебя увѣришь смѣю,

Чшо бришвою шуной пѣржешся скорѣй,

А осирою обрѣшешя вѣрѣй:

Умѣй владѣшь лишь сю.»

Вамъ пояснить разказъ мой я гошовъ:

Не шакъ ли многіе, хопь спыдно имъ признашья

Съ умомъ людей — бояшя,

И шерпяшь при себѣ охоншій дураковъ?

И. Крыловъ.

БАРОЦЕССЪ С. М. Д.

при поднесеніи ей духовъ: Ambroisie.

Съ амброзіей предсавши къ вамъ,
 Я бь уподобилъ васъ богинь;
 Но похвалы не въ модѣ нынѣ
 И снани принорны для дамъ.
 Позвольте же, кропя духами,
 Вамъ просно пожелаю снхамп,
 Чпо бь духи добрые, полной
 Кружась невидимо надъ вами,
 Хранили свяно вашъ покой
 И обьснани васъ цвѣнами;
 Чпо бы досадъ и скуки злой,
 Пзвѣсннхъ только вамъ по слуху,
 Подъ кровлей вашею родной
 Не пахло никогда ни духу;
 Чпо бы благія къ вамъ судьбы
 Внимательнымъ склонились ухомъ,

И чшобы выполнялись духомъ
Желанья ваши и мольбы.
Когда жь вы мнѣ внимали въ духъ,
И стихъ мой вамъ не надобль:
То пусть мнѣ Фебъ и Музы глухи —
Благословляю мой удѣль!

Иллѣевскій.

С Т А Н Ц І Я.

(Глава изъ путешествія въ стихахъ; писана 1825 года.)

Sta, viator!

Досадно слышать: *Sta viator!*
Иль изъясняясь просвѣй:
Извольте ждать, ильтъ лошадей,
Когда Губернскій Регистраторъ,
Почтовой спанцин дикшапоръ
(Ему шипунъ бы на языкъ!)
Сей рѣчью спавинтъ васъ въ шупникъ.

Оиъ эшого - то рускимъ тракшомъ
 Ъзда не слишкомъ веселишь;
 Какъ ъдешь, дѣйствиѣ кипишь,
 Прѣдешь: спынешь за аниракшомъ.
 Да и скакать, дождись пупи.
 Замынишь должно миѣ въ прибавку,
 Чинобы шочивѣй въ Журналъ внесли
 Топографическую справку:
 Дороги наши — садъ для глазъ,
 Деревья, съ дерномъ валъ, канавы;
 Работы много, много славы,
 Да жаль: проѣзда нѣтъ подь часъ.
 Съ деревьевъ, на часахъ споящихъ,
 Прѣзжимъ мало барыша:
 Дорога, скажешь, хороша —
 И вспомнишь спихъ: *для проходлящихъ!*
 Свободна руская ѣзда
 Въ двухъ шолько случаяхъ: когда
 Нашъ *Макъ - Адамъ*, или *Макъ - Ева*
 Зима свершишь, шреща оиѣ гнѣва,
 Опустошительный набѣгъ,
 Шупь окуешь чугуномъ льдиснымъ
 И запоронишь ранній снѣгъ
 Слѣды ея пескомъ пушистымъ.

Или когда поля проймѣшь
 Такая знойная засуха,
 Что черезъ лужу можешь въ бродъ
 Пройти, глаза зажмури, муха.
 Что жь дѣлать? время ешь всему!
 Гражданству, роскоши, уму,
 Рукой спешенной ходъ размѣряй:
 Иногъ въ успѣхахъ пащихъ вѣренъ,
 Пождемъ и возраснешъ иногъ.
 Давно ль могучій Петръ природу,
 Судьбу и смертныхъ перемогъ,
 Прошелъ сквозь мракъ, сквозь огонь и воду
 И слѣдомъ богатырскихъ ногъ
 Давно ли вдоль и поперѣгъ
 Проползана Его Россія?
 Исполнялся судьбы земныя
 И мы не будемъ безъ дорогъ.
 За шо военную дорогу
 Прокладываешь умѣемъ мы:
 Въ Парижъ были, слава Богу,
 И можешь, не болей чумы,
 Ни Магомена спражи райской,
 За славной пѣвцою Задунайской,
 За пѣвцою Царевенной Жены,

Мы доберемъ до луны;
 За Грековъ молвимъ рѣчь въ Стамбултъ
 И межъ собой, безъ дальнихъ ссоръ,
 Мирнолюбиво кончимъ споръ,
 Когда - шо жаркій при Кагултъ.

» Такъ лошадей мнѣ пѣть у васъ? «
 — Смоприне въ книгъ: счепъ шупъ ясенъ. —
 » Ихъ въ книгъ пѣть, я въ помъ согласенъ;
 Въ конюшнѣ пѣтъ ли? « — Тройка съ часъ
 Последпя съ курьеромъ вышла.
 Двѣ клячи на дворѣ и еспъ,
 Да ихъ хопъ выбылыми счеспъ:
 Не ходишъ ни одна у дышла. —
 » А долго ли прикаженъ мнѣ,
 Шлапя въ избѣ шерифно дани,
 Ишоринъ *тылу-таракани*
 Учишься по лвосей спѣтъ? «
 — Да къ ночи кони придупъ, пѣтъ ли,
 Тушъ ихъ покормимъ часъ, пль два.
 Ей ей, кружишя голова;
 Приходишъ жудко, хопъ до пепли!
 И днемъ и ночью все разгонъ,
 А всего на всего пяпъ проекъ;

Тупь какъ ни будь смысленъ и боекъ,
 А ползай изъ кожи вонъ! —

Стой, путникъ, стой! что жь мол-
 вить больше,
 Когда подвинулся пельзъ?
 Затѣмъ не спрашивую я въ Польшѣ,
 Мои любезные друзья!
 Судьба по шракшамъ европейскимъ
 (Что мнѣ признаешь очень жаль)
 Меня не завозила вдаль:
 Я польско польскимъ да еврейскимъ
 Щочповымъ ларамъ билъ челомъ.
 Какъ я ни рвался чувствомъ жаркимъ,
 Какъ ни загадывалъ умомъ,
 Полюбованься небомъ яркимъ
 И міра свѣплой полосой,
 Какъ я ни залезалъ мечпой
 Въ міръ Божій, изъ глуши далёкой,
 Гдѣ слѣдъ мой темный, одинокой,
 Сугробомъ снѣжнымъ занесёнъ,
 Какъ ни разкидывалъ сквозь сонъ,
 Всегда обманчивый и крашкій,
 Своей кочующей палатки

Среди блестящихъ городовъ,
 Среди базаровъ просвѣщенья;
 Но отъ лапшинскихъ оныхъ словъ
 Оглоблими воображенья
 Я поворачивалъ домой
 И жду: схвачу ли сонъ рукой?
 О Польши рѣчь была: но съ рѣчи
 Богъ въсень зачѣмъ, Богъ въсень куда
 Сбиваюсь отъ горячей встрѣчи
 Нежданныхъ мыслей. Господа!
 Просиши разъ мнѣ навсегда.
 Но Польши и вѣзда веселье
 И оспановка не въ накладъ:
 Иной бы и зажипись радъ,
 Какъ попадешь на новоселье;
 Запѣмъ, что пара бойкихъ глазъ,
 Искусныхъ въ проволочкѣ польской.
 (Отъ конхъ онъ пылалъ и гасъ,
 Былъ смѣль и робокъ въ топъ же часъ),
 Такъ заведешь дорогой скользкой,
 Такъ закружишь въ немъ дурь и хмель,
 Что шушкой съ перваго приѣзда
 Она его, не тронувъ съ мѣста,
 Промчишь за придевяшь земель.

Такъ, помню польскіе почлегн:
 Тушъ есмь для оиудыха и нѣги
 На чино взглянуть, гдѣ лечь, чино съѣсть.
 Грѣшно бѣ о нашихъ рѣчь завеснъ;
 И чино бѣ не дасть себя прокляпью
 Шапріотическихъ улыкъ,
 Шапріотической печашью
 Не лучше ли скрѣпнншъ языкъ?
 Ивещъ, который вѣдалъ горе,
 Сказаль: *nessun maggior dolore*
 И прочее: не правъ ли онъ?
 Смопрю на памянь съ двухъ споронъ:
 Благопріяшной и враждобной.
 Она, какъ въ древшоснн кумиръ,
 На ликахъ носнншъ брань и миръ.
 То злобный духъ, шо другъ волшебной,
 Она намъ въ казнъ, или въ любовь;
 Иль дразнншъ благомъ, ужъ заочнымъ,
 Иль говорншъ: условьемъ срочнымъ,
 Чшо было, можетъ быть и вновь.
 Иокрайней мѣрѣ памянь нынѣ,
 Смоириа привѣщншвымъ лицемъ,
 Мнѣ свѣнншъ въ зеркальной свѣнншъ
 Своимъ волшебнымъ фанаремъ.

Голодный сполъ окинувъ взглядомъ
 И видя въ раннихъ племенахъ,
 Живой объдъ со мною рядомъ
 На двухъ и четырехъ ногахъ,
 Голодный, видя къ злой обидъ,
 Какъ по ногамъ монмъ со сна,
 Съ испуга, въ первобытномъ видѣ
 Семейно жменся вепчина,
 Я не грущу: пустьъ квасъ и молодъ,
 А хлѣбъ немного пожилой,
 Я убаюкиваю голодъ
 Надеждой, памяти сестрой.
 Постясь за полдникомъ крестьянскимъ,
 Оспрадно мнѣ себѣ сказать:
 Я шрюфли заливалъ шампанскимъ,
 Богъ распитъ, и буду заливашъ.
 И такъ, вашъ душевный нопарій,
 Изъ русской почтовой избы
 Вамъ польской почвы инвентарій
 Я подношу на зло судьбы.
 » Жена или дочка *ко.м.миссаржа*
 » Полячка, — словомъ все сказала:
 » Тунъ и поршрешъ и мадригалъ;
 » При шомъ цыпляна, раки, снаржа

» Или технически скажу

» И мѣстность красокъ удержу:

» Kurczęta, gaczki i szragagi

(Чего не спернили листы бумаги

И рюма подъ моимъ перомъ?)

» Гиншара на спѣвѣ кресномъ

» Съ оружіемъ старопольской славы,

» Кумиры чести и забавы

» Папріонической чести;

» На окнахъ свѣжіе цвѣты,

» Сарматской Флоры даръ посильный;

» Тамъ въ рамкахъ за стекломъ черны

» Героевъ Кракова и Вильны;

» На полкѣ — чиненье красоны,

» Романъ прагическо - умилный

» И съ нимъ Дмушевскаго листы,

» Въ которыхъ льстивопись вѣрной

» Съ неуномимостью примѣрной

» Изъ дня въ день, изъ часу въ часъ

» Ведеть исторію Варшавы,

» На все впередъ зоркій глазъ:

» Спектакли, выѣзды въ заснавы,

» Продажа книгъ, побѣгъ собакъ,

» Проказы, добрыхъ дѣлъ примѣры,

- » Волненье модъ и атмосферы,
- » Движенья жизни: смерть и бракъ;
- » Движенья биржи: курсы, банкроты,
- » Дѣла вѣковъ, дѣла минуны, —
- » Все съ горяча въ сырой листокъ
- » Передаешь печаль прилежно,
- » Уздамъ и попомошву въ прокъ. «

Какъ я заслушивался нѣжно
 Тебя, варшавскій вѣстовщикъ,
 Когда въ душѣ, во дни разлуки,
 Будилъ замолкнувшіе звуки
 Словоохотный швой языкъ.
 На голосъ дружнаго привѣта
 Опившись созвучный я давалъ:
 Поэзіей была газета
 И надъ афишкой я мечталъ.

Я волю далъ широкимъ перьямъ
 Залетной памяти моей;
 Мечпой коснулся я преддверьямъ
 Черноговъ прелесней и фей,
 Влегуль въ Варшаву — и беспальный,
 Засѣлъ я въ сѣни прежнихъ дней.
 Здесь тайна. Крипикъ щепетильный,

Ты не поймешь моихъ рѣчей.
 Umizgać się! за это слово,
 Хотя ушамъ оно сурово,
 Я радъ весь нашъ Словарь отдать:
 На немъ хранился шалтисманомъ
 Могущей прелесни печаль
 Обворожительнымъ дурманомъ
 Щекошникъ голову и грудь
 Того, кѣпо воздухомъ Варшавы
 Былъ унесенъ когда нибудь,
 Кшо изъ горнушекъ *Вѣйской Кавы*
 Шилъ пекшарь *медленной отравы*
 Или въ *Беллы* знаешь пушъ.
 Umizgać się, въ семь словъ миломъ,
 Какъ въ сердце, *Польща* вся живень
 И въ хороводъ легкокрыломъ
 Своихъ соблазновъ рой влечень.
 При этомъ словъ я въ Варшавѣ
 И сопъ минувшій спитъ въ явѣ.
 При блескѣ свѣчъ передо мной
 Взылись, зажглись чеша съ чешой,
 Пѣнь вьнешя и мазурки знойной
 Кипитъ и гаснень вихоръ сиройной
 Подъ гуль опривисныхъ смычковъ.

Или день праздничный: кощёлы
 Пушкьюнъ; полдень: будно пчелы,
 Изъ ульевъ набожныхъ трудовъ
 Разирая крылья золотыя,
 Спешишь святоши молодя.
 Песирьюнъ улицы, кипящъ;
 Глазамъ раздолье и мученье;
 Но средночинея волнение
 И рой за роемъ хлынулъ въ садъ.
 Въ аллею сжался городъ шъеный.
 Вошь въ лицахъ старины мечны:
 Вошь сеймъ державный, сеймъ прелесный,
 Вошь *Посполита* красоны.
 Здѣсь блещетъ знаменемъ ушъшнымъ
 И мѣнйи и одеждъ успѣхъ:
 Чинъ съ чиномъ, съ знанью скромный цѣхъ
 Сравнялись равенствомъ безгрѣшнымъ
 (Хотя оно и вводитъ въ грѣхъ)
 Иригожихъ лицъ и пожекъ спройныхъ,
 Мой Пушкинъ, спрофъ пивонхъ доснойныхъ
 И шакъ обуныхъ, чню сдвалъ
 Ихъ облажинъ любви не жаль.
 Или въ Театръ *Народоволь*,
 Гдѣ окрляюшъ польскимъ словомъ

Папріютичскій порывъ,
 Спихи Нѣмцевича забывъ,
 Гласъ спарца, убѣжденья полный,
 Копорымъ движешъ и живишь
 Онъ зыбкаго паршера волны,
 И увлекаешъ и разишь:
 Смотрю я на другую сцену,
 Гдѣ спрасипи дѣйснвуютъ живьѣмъ,
 Гдѣ въ предспавленіи нѣмомъ
 Актѣрамъ зришели на смѣну.
 Тупъ *романтическая* связь:
Единства лѣста не держась,
 Изъ кресель въ ложи и обратно
 Огнемъ чуть зримымъ, перекашио
 Живая нишь игры живой
 Завязкой пайшою спуешся,
 А тамъ развязкой разпрядешся,
 Какъ слѣдуешъ своей чредой.

Теперь для криптики судейской
 Слово ученое: глаголь
 Umizgać się, глаголь жинейской;
 Ему насъ учипъ женскій полъ.
 Онъ жемчугъ польскаго парѣчья,

Его поняшь безъ увѣчья
 Въ другой языкъ не передашь,
 Какъ въ Словаряхъ другихъ ни рыться
 Faire la soug и вологитъся,
 Смѣшно напоминаетъ блажь
 Маркизовъ чопорнаго вѣка,
 Или заспавленъ заключишь,
 Чшо волокиша долженъ бышь
 Или подагрикъ или калека.

Могло бь досадно бышь ушамъ,
 Когда чиншатели - зонлы
 Забопятъ: Sta viator! намъ
 Тащиться за шобой нѣшь силы.
 Но къ припизаньямъ дерзкихъ лицъ
 Въ насъ къ счастью самолюбье глухо
 И золономъ, какъ у дѣвиць,
 Завѣшено поэна ухо.

И такъ, пока нѣшь лошадей,
 Перомъ досужнымъ погуляю

.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Въ нашъ изслѣдовательный и опчешливый вѣкъ примѣчанія, дополненія, указанія, нужны не шолько въ путешествіи, но и въ сказкѣ, въ посланіи. На слово никому и ничему вѣринь не хопяшь. Поэпъ волею или неволею долженъ быль педанпомъ, или Кесаремъ: писаль комменпаріи на самага себя и на свои дѣла. Тѣмъ лучше: болѣе случая поговорить, болѣе бумаги въ расходѣ и книги дороже. Нельзя и мнѣ не слѣдовашь за потокомъ. Только признаюсь, не люблю стиховъ занумерованныхъ: цифры и поэзія песпроша, копорая непріятно рябишь въ глаза. Пускай чинашель дастъ себѣ трудъ опыскивать самъ соотношенія между стихами и примѣчаніями.

Эта глава путешествія почно писана за нѣсколько лѣтъ. *Sta viator!* Стой пушникъ! взяно изъ латинской эпиграфии.

Въ стихахъ всего высказашь не возможно: часно говори не по, что хочешь, а что велишь мѣра и риѣма. Въ прозѣ я былъ бы справедливѣе къ рускимъ дорогамъ; сказалъ бы, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ онѣ и теперь уже уллучшаюпся, что петербургское шоссе утѣшишельный признакъ государспвенной просвѣщенной роскоши и проч. *Полустиніе: для проходящихъ*, взяно изъ прекрасной басни И. И. Дмишрѣева. — По имени изобрѣ-

пашеля называется *Макадамы*, или по англійскому произношенію: *Мекедель*, новое устройство башой дороги, нынѣ въ большомъ употребленіи въ Англійи какъ въ городахъ, такъ и по шракинамъ.

Данше говоримъ :

Nessun maggior dolore,
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria...

то есть, что *нѣтъ ничего горестнѣе, какъ вспоминать въ бѣдствіи о благополучномъ времени*. Россіини придавъ всю Поэзію своей музыки эпимъ словамъ въ оперѣ Отелло. Въ тонахъ его есть мрачность и глубокоснѣ Данша.

Описаніе польской станціи не вымыселъ спихопворца и не ложъ путешественника. На многихъ станціяхъ я находилъ все то, что описалъ; я могъ бы подтвердить свои стихи выписками изъ своей дорожной, памятной книжки, но боюсь показаться уже черезъ чуръ *деданшомъ*. Замѣчу только, что цыпляна, раки и спаржа имѣютъ почтенно какою-то національноснѣ въ польской кухнѣ.

Дмушевскій, варшавскій акшёръ, издавалъ въ Варшавѣ ежедневную газету. По выѣздѣ своемъ изъ Варшавы, я любилъ проходить наизуснѣ по его листкамъ прежне свое жиньебыше.

Не имѣя предъ глазами Словаря *Линде*, не могу сказать, какъ переводить онъ польскій глаголъ, приведенный мною; но если читатель далъ себѣ трудъ прочитать списки до конца, то онъ узналъ смыслъ этого выраженія, которое на польскомъ языкѣ имѣетъ смыслъ обширный.

Wieyska Kawa, деревенскій, сельскій (хотя и внутри города) кофейный домъ въ Варшавѣ, весьма часто и всѣми сословіями и полами посѣщаемый. Кто видаль въ праздничный день на очагѣ его рядъ кофейниковъ и горнушекъ со сливками кипяченными, тотъ можетъ вывести экономико-политическое заключеніе, сколько Наполеонова анши-колоніальная система должна была бытъ вредна для Польши и горька для Поляковъ, которыхъ тогда поили цикорнымъ кофе.

Кто-то оптоваривалъ Вольтера отъ употребленія кофе, потому что онъ ядъ. „Можетъ бытъ, отвѣчалъ онъ, но видно медленный: я пью его болѣе шестидесяти лѣтъ.“ Переложивъ эпостъ опивѣтъ въ *медленную отраву*, я сбилъ былъ рѣшимо: лучше было бы сказать: *медленный ядъ*. Въ повтореніи извѣстныхъ изрѣченій должно сохранять простоту и точность сказаннаго. Упѣшаюсь тѣмъ, что примѣчаніе мое назидательнѣе хорошаго списка.

Беляны, монастырь на Вислѣ близъ Варшавы: шуть въ рощѣ бываетъ блистательное гулянье, въ родѣ нашихъ гуляній 1-го Мая.

По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ послѣ обѣдни собираются въ саду Красицкомъ.

Польскій театръ называется въ Варшавѣ *народнымъ*, или національнымъ театромъ, и въ нѣкоторомъ отношеніи заслуживаетъ сіе имя, хотя драматическая польская липшерапура имѣетъ мало народности, и какъ наша, болѣе слѣплена по французскому образцу. Но и въ самыхъ подражаніяхъ опредѣляется какой-то цвѣтъ отечественности. Если недостаетъ народности въ авторахъ, то много народности въ партёрѣ. Въ Польшѣ театръ не то, что у насъ, прививное увеселеніе; тамъ онъ настоящая потребность народа. Тамъ есть какой-то театральный патриотизмъ, согревающая предспавленіе. Нѣкоторыя родныя слова возбуждаютъ постоянно восторгъ рукоплесканій: однимъ словомъ, тамъ есть театръ.

Имя Нѣмцевича знакомо и у насъ. Поэтъ, историкъ, гражданинъ, семидесятилѣтнюю жизнь свою онъ достигъ до почетнѣйшаго мѣста въ ряду своихъ современниковъ и соотечественниковъ. Хотя здѣсь упомянуто о немъ и по шуточному поводу, но платя ему дань уваженія за характеръ его, за умъ его, еще столь теплый, столь цвѣтущій подъ холдомъ сѣдня, и дань признательности за

лестную его пріязнь ко мнѣ, сердце мое исполняетъ пріятную и священную обязанность. Оговорку, похожую на эту, могу опнести вообще и къ Варшавѣ. Если я себя хорошо выразилъ въ стихахъ своихъ, но сквозь шушки должно пробиваться чувство благодарности и сердечной привязанности.

На замѣчаніе, что глава моя очень длинна, и что еще одинъ опрывокъ, имѣю честь донести, что я слишкомъ семь часовъ просидѣлъ на станціи въ ожиданіи лошадей.

Кн. П. Вяземскій.

Б У Р Я.

(Подражаніе испанскому.)

Дождь крупный въ листьяхъ зашумѣлъ,
 Съ воспока тучи поднимались;
 Спрятан огня въ нихъ быстро извивались
 И опдаленный громъ гремѣлъ.
 Подъ сводомъ сумрачнымъ каштановой аллеи
 Я шелъ съ Доридою. Съ ея легкой шени

Шаль черную вихрь дерзостный срывалъ
И локоны ея густые развѣвалъ;
Широкіе концы сплунувшей спиройный станъ
Ашласной ленины пренесали.

Въ молчаніи мы шли и съ ужасомъ внимали
Вдали ревущій ураганъ.
Померкла, шучи отражая,
Залива влага голубая

И хлещетъ въ берега кипящую волной.

Вдругъ видимъ мы приконъ ошъ непогоды:
Акацій съ прехъ споронъ спѣной
Обведена скамья; на ней силелся своды
Изъ вѣтвей древнихъ липъ, и крышей полношно
Между деревъ укрѣплено.

Въ бесѣдку скрылся мы. Блѣдна и молчалива,
Дорида слушала просяжннй шумъ залива
И взоръ ея слѣдилъ лешящи облака.
Въ моей рукѣ ея поконлась рука;
Другой, откинувъ плащъ, я спиройный станъ
прекрасной

Моей подруги окружилъ

И робкую къ плечу съ улыбною склонилъ.
Ни молніи блескъ, ни громъ, ни вихря вой
ужасной

Меня изпюргнушь не могли

Изъ сладкаго самозабвенья!

Всѣ бѣдствія, всѣ радости земли

Я позабылъ въ снѣ мгновенья:

Любви возвышенной душа была полна!

Ужь ночь съ грозой прошла и упрю возсіяло —

Дорида шихаго не нарушалъ я сна;

Я на нее глядѣлъ, и все казалось мало!

Масальскій.

ЖЕЛАНІЕ.

(*Изъ Матисона.*)

Доколь въ надзвѣздный міръ я не умчусь душою,

Еще, еще желалъ бы я

Хоть разъ благословишь родимые края,

Гдѣ сны младенчества посилнѣе надо мною.

Топишь кустъ орѣховый, гдѣ иволга весной

Свила гнѣздо подѣ темными выпями,

Шумишь опрадише, чѣмъ лавры надъ гробами

Вождей, поправшихъ міръ земной.

Пошпокъ, журча въ правѣ поляны освѣженной,
Гдѣ я ребенкомъ ладыши срывалъ,
Блеснишь подѣ ольхою, водой его вспоенной,
Свѣплете чѣмъ ключа Бландузскаго кристаллъ.

И холмъ, гдѣ вечеромъ вкругъ липы аромашной
Кружился шумный рой дѣшей,
Милѣе, чѣмъ Монбланъ, для взора необъяпной,
Серебрянымъ вѣнцемъ горящій опъ лучей.

Доколь въ надзвѣздный мѣръ я не умчусь душою,
Еще, еще желалъ бы я
Хоть разъ благословить родимые края,
Гдѣ сны младенческа поселились надо мною.

А шамъ, пусть геній, свѣночь преклоя,
Лучъ жизни пихія погаситъ дуновеньемъ;
Родиую землю я оставлю съ умиленьемъ:
И за могилой ждетъ опечесиво меня!

П. Ободовскій.

ГРАФУ Д. И. ХВОСТОВУ,

*по случаю изданія имъ новаго своего
стихотворенія: Консерты въ залѣ
Д. Л. Нарышкина.*

Когда старикъ Анакреонъ
И новыхъ лѣтъ сѣдые франпы,
Проказъ любовныхъ музыканшы,
Вольперъ, Державинъ, съ нимъ же въ попь
Красавиць пѣвшили; ихъ звонъ,
Какъ шаромодные кураншы,
На милыхъ нагонялъ лишь сонъ.
Съ побой дружнѣ Кундонъ
И на бѣду прелестнымъ дакъ шы,
Счастливыи Графъ! Красой пѣннѣнъ,
Слиховъ шы сыплешъ бриллианшы:
И безотвязный Аполлонъ,
Сердецъ развязывая баншы,
Несетъ шебъ красавиць фаншы.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ОПИСАТЕЛЬНОГО СТИХОТВОРЕНІЯ :

К О Р Е Л І Я.

I.

Пуста Корелии страна,
 Безмолвны Сѣвера поляны:
 Въ пинни почной, какъ великаны,
 Възснавъ озеръ своихъ со дна,
 Въ выси рисуются обломки —
 Чупь уцѣлѣвшіе пономки
 Былыхъ, первоначальныхъ горъ.
 Но рѣдко человека взоръ
 Скользящъ, заходящъ въ ихъ изгибы.
 Однѣ, вспревожась, плещуть рыбы,
 Пль крики чашкъ на водахъ
 Пустынный опзывъ оживляютъ.
 Порою, на пустыныхъ берегахъ,
 Сквозь млечновидные шуманы,

Мелькаеишь тѣнь передъ огнёмъ,
 Иль въ чешокъ, злымъ сполномъ,
 Огонь. И, въ сумеркахъ, румяный,
 Оиъ спеленъ ленты подь водою:
 То сынъ Корелы молчаливый,
 Безнечныхъ *лоховъ* спанъ сосливый
 Тревожитъ мѣпкой острогой.
 Зачѣмъ пылаюишь часно газы
 Въ почной пиши сихъ зыбкихъ блашь?
 На что блестятъ озеръ шопазы
 И гранью радужной горятъ
 На еляхъ льдисные алмазы
 И серебришь дубравы мразь?
 Никто въ глуши не видитъ вась!...
 Ночное небо — шупъ бываетъ —
 Вдругъ разгорихся, все въ лучахъ;
 Пылаешъ Сѣверъ и пылаешъ:
 Огни, шо въ пламенныхъ сполпахъ,
 То колосисными снопами
 Или кудрявыми дугами
 Пылая, въ хладной высонъ
 Возходятъ, спрояиша рядами,
 Какъ рани въ грозной красонъ.
 Шол-неба блестятъ яркимъ глянцемъ

И спорить золото съ румянцемъ
 Въ выси и въ зеркаль озеръ;
 Все пышно: край небесъ обвѣшенъ
 Шарчей и тканьми, какъ шаперъ.
 Но для кого сей блескъ ушъменъ? ...
 Въ глуши безлюдья своего
 Сей край порадуешь кого? ...

II.

На дальнемъ Сѣверѣ есть *птица* (*) ...
 Она, какъ видно, иногда
 Перелетаетъ и сюда.
 Какъ мысль, какъ пылка зарница,
 Она мелькаетъ по лѣсамъ;
 Ее, какъ сонъ, я видѣлъ самъ:
 Грудь — яхонтъ, и лазурны крымы
 Опливомъ золота горятъ
 Напѣвъ и длинный и унылый
 И сладоспный, какъ первый взглядъ
 На жениха спыдливой дѣвы.
 Какіе звуки! ... Тѣ напѣвы

(*) Эта аллегорія помѣщена въ рассказъ одного
 вводнаго лица.

Такъ очаровываютъ насъ,
 Когда ихъ слышимъ въ первый разъ!
 Заманъ души, такъ въ душу льются!
 Чудеснымъ счастьемъ и поскою
 Всѣ струны сердца пошряеуются
 И разтревожились покой,
 Какъ только пѣсню эту услышишь;
 Едва живешь, съ боязнью дышишь!
 И время пѣть! исчезла даль!
 Какъ прахъ, какъ дымъ земное мчилося
 И мчилося все съ нимъ, что печаль;
 Душа, юнья, веселилася,
 Какъ послѣ недуговъ днися,
 Куда - то все лешя, лешя...
 Но изъ Корельцевъ, чудной пницы
 Еще никто сей не видалъ:
 Пусть спавлянъ цѣнкія пльвицы!
 Кто бы былъ онъ, что бы ее поймалъ?
 Ее не видяшь здѣшнихъ взоры;
 Но мнѣ порой видна она:
 И съ ней мнѣ милы эти горы
 И эта дикая страна!

Федоръ Глинка.

РУСАЛКА.

МАЛОРОССИЙСКОЕ ПРЕДАНИЕ.

Давнымъ давно, когда еще злато-главый нашъ Кіевъ былъ во власни Поляковъ, жила была шамъ одна спарушка, вдова лѣсничаго. Маленькая хашка ея спояла въ лѣсу, гдѣ лежишь дорога къ Кипаевой пуспыни: здѣсь, пополамъ съ горемъ, перебывалась она шрудами рукъ своихъ, вмѣспѣ съ шеснадицилѣшнейю Горпинкою 1), дочерью и единою своею опрадою. И подлинно дочь дана была ей на опраду: она росла, какъ молодая черешня, высока и спройна; черные ея волосы, заплешенные въ *дрибушки*, опливались, какъ вѣроново

крыло, подъ разноцвѣтными *скиндляками* ²⁾, большіе глаза ея чернѣлись и свѣпились пихимъ огнемъ, какъ два полу - изпухшіе угля, на копорыхъ еще перебѣгали искорки. Бѣла, румяна и свѣжа, какъ молодой цвѣпокъ на упренней зарѣ, она росла на бѣду сердцамъ молодецкимъ и на зависпъ своимъ подружкамъ. Машъ не слышала въ ней души, и пруженики Божіи, чеспные опцы Кишаевой пуспыни, умильно и привѣпливо глядѣли на нее, какъ на будущаго своего собрата райскаго, когда она подходила къ нимъ подъ благословеніе.

Что же милая Горпинка (шакъ называлъ ее всякой, кпо зналъ) спала вдругъ помна и задумчива? Опъ чего не поешъ она больше, какъ вешняя ппичка, и не прыгаспъ, какъ молодая козочка? Опъ чего разсѣянно

глядишь она на все вокругъ себя и не впаде опшвчаешъ на вопросы? Не дурной ли въперъ подулъ на нее, не злой ли глазъ поглядѣлъ, не колдуны ли обошли? ... Нѣтъ! не дурной въперъ подулъ, не злой глазъ поглядѣлъ и не колдуны обошли ее: въ Кіевѣ, наполненномъ въ погдашнее время Ляхами, былъ изъ нихъ одинъ, по имени Казимиръ Чепка. Спасенъ пѣломъ и пригожь лицомъ, богатъ и хорошаго рода, Казимиръ велъ жизнь молодецкую: пилъ венгерское съ друзьями, перевѣдывался на сабляхъ *за гоноръ* 3), панцовалъ краковякъ и мазурку съ красавицами. Но въ лѣпнее время, наскуча городскими попѣхами, часпо цѣлый день бродилъ онъ по *сагамъ* 4) днѣпровскимъ и по лѣсамъ вокругъ Кіева, спрѣляя крупную и мѣлкую дичь, какая ему попадалась. Въ одну изъ охоп-

ничьихъ своихъ прогулокъ , встрѣтился онъ съ Горпинкою. Милая дѣвушка, опъ природы робкая и заспѣнчивая , не испугалась однако жъ ни богатырскаго его вида , ни черныхъ , закрученныхъ усовъ , ни ружья , ни большой лягавой собаки : молодой панъ ей приглянулся , она еще больше приглянулась молодому пану. Слово за слово , онъ спалъ ей нагѣвалъ , что она красавица , что между городскими дѣвучками онъ не зналъ ни одной , конора могла бы поспорить съ нею въ пригожеспвѣ ; и мало ли чего не нагѣвалъ онъ ей ? Первые слова лесни глубоко западаютъ въ сердце дѣвичье : ему какъ-то вѣрился , что все , сказанное молодымъ , красивымъ мужчиною , суца правда. Горпинка повѣрила словамъ Казимира ; случайно или умышленно они спали часно встрѣчались въ лѣсу , и онъ

шого теперь милая дѣвушка спала
шомна и задумчива.

Въ одинъ лѣпный вечеръ пришла
она изъ лѣсу позже обыкновеннаго.
Мать пожурила ее и путала дикими
звѣрями и недобрыми людьми. Гор-
пинка не отвѣчала ни слова, сѣла
на лавкѣ въ углу и призадумалась.
Долго она молчала; давно уже мать
переспала дѣлашь ей выговоры и
сидѣла, также молча, за пряжею;
вдругъ Горпинка, будто опомнясь
или пробудясь опъ сна, взглянула
на мать свою яркими, черными сво-
ими глазами и промолвила вполголоса:

— » Матушка! у меня естъ же-
нихъ. —

— » Женихъ?... кто? « спросила
спарушка, придерживавъ свое верене-
но и заботливо поспрѣвъ на дочь.

— » Онъ не изъ просныхъ, матуш-
ка: онъ хорошаго рода и богатъ: это

молодой польский панъ « Тупь она съ дѣшскимъ просподушѣемъ рассказала мапери своей все: и знакомство свое съ Казимиромъ, и любовь свою, и льспивыя его обѣщанія, и льспивыя свои надежды бышь знашною паньей.

— »Берегись«, говорила ей спарушка, сомнишельно покачивая головою: »берегись лиходѣя; онъ насмѣшся надъ шобою, да шебя и покинешь. Кшо знаешь, что на душѣ у иновѣрца, у кашолика⁵⁾? . . . А и шого еще хуже (съ нами сила креспная!) если въ видѣ польскаго пана являлся шебѣ злой искуситель. Ты знаешь, что у насъ въ Кіевѣ, за грѣхи наши, много и колдуновъ и вѣдьмъ⁶⁾. Лукавый всегда охошнѣ вершился шамъ, гдѣ люди ближе къ спасенью.«

Горпинка не ошвѣчала на это и разговоръ шѣмъ кончился. Милая,

невинная дѣвушка была увѣрена, что ея Казимиръ не лиходѣй и не лукавый искуситель, и пошому она съ до-садою слушала рѣчи своей мапери.

» Онъ пакъ милъ, пакъ добръ! онъ непременно сдержитъ свое слово, и шеперь поѣхалъ въ Польшу для того, что бѣ уговоритъ своего опца и устройтъ дѣла свои. Можно ли, что бы съ такимъ лицемъ, съ такою ду-шею, съ такимъ сладкимъ, вкрад-чивымъ голосомъ, онъ могъ имѣть на меня недобрые замыслы? Нѣтъ! мапушка на спароспи сдѣлалась слишкомъ недовѣрчива, какъ и всѣ пожилые люди.» Такимъ нашепшы-ваніемъ легковѣрнаго сердца убаю-кивала себя неопытная, молодая дѣ-вушка; а между тѣмъ мелькали дни, недѣли, мѣсяцы — Казимиръ не являл-ся и не давалъ о себѣ вѣспи. Про-шелъ и годъ — о немъ ни слуху, ни

духу. Горпинка почти не видѣла свѣща Божьяго: опть свѣща померкли ясныя очи, опть часныхъ вздоховъ шѣснило грудь ея дѣвичью. Машь горевала о дочернемъ горѣ, иногда плакала, сидя одна въ вѣпхой своей хашкѣ за пряжею, и покачивая головою, швердила: » не бытъ добру! Эшо наказаніе Божіе за грѣхи наши и за шо, чшо несмысленная полюбила Ляха - иновѣрца! «

Долго посковала Горпинка; бродила почти безпрестанно по лѣсу, уходила рано поушру, приходила поздно ночью, почти ничего не ѣла, не пила и изсохла, какъ былинка. Знакомые о ней жалѣли и за глаза шолковали шо и другое; молодые парни переспали на нее заглядывашься, а дѣвушки ей завидовашь. Услуживыя спарушки совѣшовали ей ишши къ колдуну, копорый жилъ

за Днѣпромъ, въ бору, въ глухомъ мѣстѣ: » онъ - де скажешь тебѣ всю правду и наспавишь на путь, на дѣло! « Горе придаешь опваги: Горпинка откинула спрахъ и пошла.

Осенній вѣперъ взрывалъ волны въ Днѣпрѣ и глухо ревѣлъ по бору; желшый листъ, опадаъ съ деревьевъ, съ шелеспомъ кружился по дорогѣ, вечеръ хмурился на дождливомъ небѣ, когда Горпинка пошла къ колдуну. Чшо сказалъ онъ ей, никшо того не вѣдаешь; полько машь напрасно ждала ее во всю шу ночь, напрасно ждала и на другой день, и на шрепшій: никшо не зналъ, чшо съ нею спалось! Одинъ монашпырскій рыболовъ разсказывалъ спуспя нѣсколько дней, чшо, плывя въ челнокѣ, видѣлъ молодую дѣвушку на берегу Днѣпра: лице ея было изцарапано иглами и сучьями деревьевъ, волосы разбишы

и скиндячки оборваны; но онъ не посмѣлъ близко подплыть къ ней, изъ страха, что то была или бѣсноватая, или бродящая душа какой нибудь умершей, тяжкой грѣшницы.

Бѣдная старушка выплакала глаза свои. Чуть свѣшь, всшавала она и бродила далеко, далеко, по обоимъ берегамъ Днѣпра, спрашивала у всѣхъ встрѣчныхъ о своей дочери, искала шѣла ея по песку прибережному, и каждый день съ грустью и горькими слезами возвращалась домой одна одиноконька: не было ни слуху, ни вѣспочки о милой ея Горпинкѣ! Она клала на себя набожные обѣщанія, спавила изъ послѣднихъ прудовыхъ своихъ денегъ большія свѣчи преподобнымъ Угодникамъ Печерскимъ: сердцу ея спановилось ошъ того на время легче, но мучительная ея неизвѣстность о судьбѣ

дочери все не прерывалась. Миновала осень, прошла и суровая зима въ напрасныхъ поискахъ, въ слезахъ и молитвахъ. Честные опцы, черноризцы Кипаевой пущыни, упѣшали несчастную мать и христіански жалѣли о заблудшей овцѣ; но состраданіе и упѣшительныя ихъ бесѣды не могли изгладить горестной утраты изъ материнскаго сердца. Настала весна; снова спаруха начала бродить по берегамъ Днѣпра, и все также напрасно. Она хошѣла бы собрать хошь кости бѣдной Горпинки, омышь ихъ горячими слезами и прихоронишь, хошь шайкомъ, на кладбищѣ съ православными. И этого, послѣдняго упѣшенія, лишала ее злая доля.

Тѣ же услужливыя спарушки, которыя направили дочь иппи къ колдуну, уговаривали и мать у него ис-

кашъ помощи. Кшо понешъ, шопнъ и за бришву радъ ухвашишься, говоришь пословица. Спаруха подумала, подумала — и пошла въ боръ. Тамъ, въ спрашномъ подземельѣ или берлогѣ, жилъ спрашный спарикъ. Шкшо не зналъ, ошкуда онъ былъ родомъ, когда и какъ зашелъ въ заднѣпровскій боръ и сколько ему лѣтъ ошъ роду; но спарожилы кѣвскіе товаривали, чшо еще въ дѣшспшвѣ слыхали они ошъ дѣзовъ своихъ объ ашомъ колдунѣ, копорато съ давнихъ лѣтъ всѣ называли Боровикомъ: инаго имени ему не знали. Когда спарая Фенна 7), машь Горпинки, пришла на шо мѣспо, гдѣ, по разсказамъ, можно было найши его, шо волосы у нея поднялись дыбомъ и лихорадочная дрожь ее забила... Она увидѣла спарика, скрюченнаго, сморщеннаго, словно выходца съ шого

свѣша: въ жаркѣй майскѣй полдень лежалъ онъ на голой землѣ подъ шубами, прошивъ солнца, и, казалось, не могъ согрѣться. Около него былъ очерченъ кругъ, въ ногахъ у колдуна сидѣла огромная черная жаба, выпуча большіе зеленые глаза; а за кругомъ кипѣлъ и вился клубами всякой гадъ: и ужи, и змѣи, и ящерицы; по сучьямъ деревьевъ качались большіе нешопыри, а филины, совы и девяти-смертны ⁸⁾ дремали по верхушкамъ и между лисьями. Лишь только появилась спаруха — вдругъ жаба прижды проквакала страшнымъ голо-сомъ, нешопыри забили крыльями, филины и совы завыли, змѣи зашипѣли, высунувъ кровавыя жала, и закружились быспрѣе прежняго. Спарикъ приподнялся; но увидя дрях-лую, оробѣвшую женщину, онъ махнулъ черною ширинкою съ какими-то

чудными нашивками красного шелка — и мигомъ все исчезло съ крикомъ, визгомъ, выпьемъ и шипѣньемъ: одна жаба не слазила съ мѣспа и не сводила глазъ съ колдуна. » Не входи въ кругъ« — прохрипѣлъ спарикъ чушь слышнымъ голосомъ, какъ будто бѣ эпошь голосъ выходилъ изъ могилы — »и слушай: пы плачешь и поскуешь обѣ дочери; хопѣла ли бы пы ее видѣшь? хопѣла ли бѣ бышь опяшь съ нею?

— »Охъ, *пан-отче* 9)! какъ не хопѣшь! Эпо одно мое дѣщище, какъ порохъ въ глазу....

— »Слушай же: я дамъ тебѣ клыкъ чернаго вепря и черную свѣчу....« Тупъ онъ пробормошалъ что-то на невѣдомомъ языкѣ, и жаба, завершѣвъ глазами, въ одинъ прыжокъ скокнула въ подземелье, находившееся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ круга,

другимъ прыжкомъ выскочила опшуда, держа во рпу большой бѣлый клыкъ и черную свѣчу; то и другое положила она передъ спарухой и снова сѣла на прежнее свое мѣсто. — » Скоро наспанепъ *зеленая недѣля*, « продолжалъ спарикъ: » въ послѣдній день этой недѣли, въ самый полдень, поиди въ лѣсъ, опыщи шамъ поляну, между чащею; ты ее узнаешь: на ней нѣтъ ни былинки, а вокругъ разрослись большіе куспы папоротника. Проберись на ту поляну, очерпи клыкомъ кругъ около себя и въ серединѣ круга вопхни черную свѣчу. Скоро онѣ побѣгущъ; ты всмапривайся приспально и чупъ шолько замѣпишь свою дочь — схвати ее за лѣвую руку и впаци къ себѣ въ кругъ. Когда же всѣ другія пробѣгущъ, ты вынь свѣчу изъ земли и держа ее въ рукѣ, веди дочь свою

къ себѣ въ домъ. Чшо бы она ни говорила — ты не слушай ея рѣчей и все веди ее, держа свѣчу у нея надъ головою; и чшо бы послѣ ни случилось, не сказывай своимъ попамъ да монахамъ, не служи ни панихидъ, ни молебновъ и шерпи годъ. Иначе худо шебѣ будешъ «

Спарухѣ показалось, что въ эшу минушу жаба спрашно на нее покосилась и захлопала уродливымъ своимъ рпомъ. Бѣдная Фенна чупь не упала оиѣ изнуга. Поскорѣе опдала она поклонъ колдуну и дрожащими ногами поплелась изъ бора. Однако жь, до чего не доведешъ любовь маперинская! надежда опыскапъ дочь свою подкрѣпила силы спарухи и придала ей опваги.

Въ послѣдній день *зеленой недѣли*, когда солнце шло на полдень, она пошла въ чащу лѣса, опыскала шамъ

сказанную колдуномъ поляну, очерпила около себя кругъ клыкомъ чернаго вепря, вопкнула по срединѣ въ землю черную свѣчу — и свѣча сама собою загорѣлась синимъ огнемъ. Вдругъ раздался шумъ: съ тиканьемъ и ауканьемъ, быспро, какъ вихрь, помчалась черезъ поляну несчетная вереница молодыхъ дѣвушекъ; всѣ онѣ были въ легкой, сквозящей одеждѣ и на всѣхъ были большіе вѣнки, покрывавшіе всѣ волосы и даже спускавшіеся на плеча. На однѣхъ вѣнки сіи были изъ осоки, на другихъ изъ древесныхъ вѣшвей, такъ что казалось, будто бы у нихъ зеленые волосы. 10) Дѣвушки пробѣгали, минуя кругъ, но не замѣчая или не видя спарухи; и она, опкинувъ спрахъ, всмапиривалась въ лице каждой. Смощишь — вопшь бѣжишь и ея Горпинка. Спаруха едва успѣла ее схва-

пишь за лѣвую руку и впащишь въ кругъ. Другія, видно, не замѣтили того на быспромъ, испуленнымъ бѣгу своемъ, и тикая и аукая пронеслись мимо. Старая Фенна поспѣшно выхватила изъ земли пылавшую черную свѣчу, подняла ее надъ головою своей дочери — и мигомъ зеленый вѣнокъ изъ осоки запрещалъ, загорѣлся и рассыпался пепломъ съ головы Горпинкиной. Въ кругу, Горпинка спояла, какъ оцѣпенѣлая; но едва мать вывела ее изъ круга, по она начала у нея просишься пихимъ, ласкающимъ голосомъ.

— »Мать! оппусти меня погуляшь по лѣсу, покачашься на *зеленой недѣль* и снова погрузишься въ подводныя наши селенія.... Знаю, что ты поскуешь, ты плачешь обо мнѣ: кто же тебѣ мѣшаетъ бышь со мною неразлучно? Брось напрас-

ный спрахъ и опустишь къ намъ на дно Днѣпра. Тамъ весело! шамъ легко! шамъ всѣ молодѣють и спановяшся также рѣзвы, какъ спруйки водяныя, также игривы и беззабошны, какъ молодыя рыбки. У насъ и солнышко сіяешъ ярче, у насъ и упреннѣй въперокъ дышешъ привольнѣе. Чшо въ вашей землѣ? Здѣсь во всемъ нужды: шо голодъ, шо холодъ; шамъ мы не знаемъ никакихъ нуждъ, всѣмъ довольны, плещемся водой, играемъ радугой, ищемъ по дну драгоцѣнностей и ими упѣшаемся. Зимой намъ тепло подъ льдомъ, какъ подъ шубой; а лѣшомъ, въ ясныя ночи, мы выходимъ грѣшся на лучахъ мѣсяца¹¹⁾, рѣзвимся, веселимся и для забавы часно шупимъ надъ живыми. Чшо въ шомъ бѣды, если мы подъ часъ щекочемъ ихъ или уносимъ на дно рѣки? развѣ имъ опъ шого хуже?

Они спановяшся также легки и свободны, какъ и мы сами.... Мать! оппусти меня: мнѣ шяжко, мнѣ душно будешъ съ живыми! Оппусти меня, мать, когда любишь....»

Спаруха не слушалась и все вела ее къ своей хашѣ; но съ горесшью узнала, что дочь ея сдѣлалась Русалкою. Волъ пришли; спаруха ввела Горпинку въ хашу; она сѣла прошивъ печки, облокошясь обѣими руками себѣ на колѣна и усапя глаза въ усшье печки. Въ эпу минупу черная свѣча догорѣла и Горпинка сдѣлалась неподвижною. Лице ея посинѣло, всѣ члены окошпенѣли и спали холодны, какъ ледъ; волосы были мокры, какъ будпо бы шеперь шолько она вышла изъ воды. Спрашно было глядѣшь на ея безжизненное лице, на ея глаза опкрышые, шускые и не видя смопрящѣ! Спару-

ха поздно вскаялась, что послушалась лукаваго колдуна; но и шупъ чувствво мапери и какая-то смупная надежда перемогли и спрахъ и упреки совѣспи: она рѣшилась ждашь, во что бы ни спало.

Проходишь день, наспаешъ ночь — Горпинка сидишь по прежнему, мершва и неподвижна. Жудко было спарухъ оспавашься на ночь съ своей ужасною геспьей; но скрѣпя сердце, она оспалась. Проходишь и ночь — Горпинка сидишь по прежнему; проходяшь дни, недѣли, мѣсяцы — все также неподвижно сидишь она, опершись головою на руки, все также опскрышы и шусклы глаза ея, безсмѣнно глядяще въ печь, все также мокры волосы. Въ окологкѣ разнесся объ эпомъ слухъ, и всѣ добрые и недобрые люди не смѣли ни днемъ, ни ночью пройши мимо хапы: всѣ

боялись мершвеца и спарой Фенны, копорую разславили вѣдьмою. Тропинка близъ хапы заросла правою и почпи заглохла; даже въ лѣсъ ходили сосѣдніе обывашели изрѣдка и шолько по крайней нуждѣ. Наконецъ, бѣдная спаруха мало по малу привыкла къ своему горю и положенію: уже она безъ спраха спала въ шой хапѣ, гдѣ спрашная госпья сидѣла въ гробовой своей неподвижности.

Прошелъ и годъ: все шакже безъ движенія и безъ признаковъ жизни сидѣла мершвая. Наспала и *зеленая недѣля*. На первый день, около полуденнаго часа, спаруха, опворя дверь хапы, что - то спряпала. Вдругъ раздались тиканье и ауканье и скорый шорохъ шаговъ. Фенна вздрогнула и невольню взглянула на дочь свою: лице Горпинки вдругъ спрашно

оживилось, синеша исчезла, глаза за-
 сверкали, какая-то неисповая и
 какъ бы пьяная улыбка промелькну-
 ла на губахъ. Она вскочила, приж-
 ды плеснула въ ладоши и прокри-
 чавъ: *наши, наши, наши!* пуспи-
 лась, какъ молнiя, за шумною пол-
 ною . . . и слѣдъ ея пропалъ!

Спаруха, мучась совѣспью, поло-
 жила на себя птяжкiй зарокъ: она
 пошла въ женскiй монаспырь, въ
 послушницы, принимала на себя са-
 мья шрудныя работы, молилась без-
 прерывно и наконецъ, успокоенная
 въ душѣ своей, шихо умерла, опла-
 кивая несчастную дочь свою.

На другой день послѣ шого, какъ
 Русалка убѣжала опть своей маше-
 ри, нашли въ лѣсу мершвое шѣло.
 Эшо былъ Полякъ, въ охопничьемъ
 плашьѣ, и единоземцы его узнали въ
 немъ Казимира Чешку, ловкаго мо-

лодаго челоуѣка, бывшаго душею всѣхъ веселыхъ общеспѣвъ. Ружье его было заряжено и лежало подлѣ него, но собаки его при немъ не было; никакой раны, никакого знака насильственнѣй смерщи не замѣтно было на шѣлѣ; но лице было сине и всѣ жилы въ спрашномъ напряженіи. Знали, что у него было много друзей и ни одного явнаго недруга. Врачи полковали что и другое; но народъ объяснялъ дѣло гораздо проще: онъ говорилъ, что » покойника Русалки защекочали. «

Порфирій Байскій.

ПРИМѢЧАНІЯ.

- 1) *Горпинка*, уменьшительное имени *Горпина* (Агриппина). Это имя въ малоросійскомъ нарѣчій гораздо ближе къ римскому своему корню, нежели Аграфена или Груша.
- 2) *Дрибушки* — мѣлкя косы; *скиндяки* — ленты, повязываемыя на головѣ. (Смолиц.

въ *Сьверн. Цвѣтахъ* на 1828 годъ *примѣчанія* къ повѣсти: *Гайдамакъ.*)

- 3) *За гоноръ*, по польски значить: *за гость.*
- 4) *Сага* — заливъ рѣки. Слово малороссійское.
- 5) Когда Малороссія находилась подъ властью Поляковъ, тогда взаимная недоувѣрчивость Поляковъ и Малороссіянъ, особливо въ простомъ народѣ, была въ самой сильной степени. Понятія религіозныя подкрѣпляли сіе непріязненное чувствованіе въ шопъ вѣкъ, не ознаменованный еще, подобно нынѣшнему, вѣроперпвнїемъ. *Католикъ* — было у Малороссіянъ бранчивое слово, сдѣлавшееся народнымъ. И шеперь еще упошребляется оно въ шомъ же смыслѣ необразованными проспюлюдинами въ Малороссіи.
- 6) *Кіевъ*, по баснословнымъ народнымъ преданіямъ, искони славился своими вѣдьмами и колдунами не только въ Малороссіи, но и во всей Россіи.
- 7) *Фенна* — Феона, по малороссійскому выговору.
- 8) *Девятисмерть* или *сорокопудъ*, небольшая пшичка, весьма обыкновенная въ лѣсахъ Малороссіи. О ней говоряшъ, будто бы она сперва убиваетъ восемь насѣкомыхъ, и съѣдаетъ уже девятое: опсюда происходитъ имя ея — *девятисмерть*. Много есть и другихъ суевѣрныхъ разсказовъ объ этой пшичѣ, которая занимаетъ непо-

слѣднее мѣсто въ *баснословной Зоологiи* Малороссiянъ.

- 9) *Пань-оте*, звапелный падежь сложнаго слова *пань-отець*, которое Малороссiяне изъ учпивости говорятъ спаршимъ лѣнами или доспопнспвомъ. Въ собственномъ смыслѣ оно соотвѣпспивуетъ рускому выраженiю: *Государь-батюшка*.
- 10) Простой народъ въ Малороссiи думаетъ, что Русалки суть утопленницы и давленицы, произвольно лишившiя себя жизни. Одни говорятъ, что у Русалокъ зеленые волосы, другiе просто наряжаютъ ихъ въ большiе зеленые вѣнки. Сочинитель принялъ послѣднее изъ сихъ повѣрiй, а для опличiя Русалокъ, однѣхъ изъ нихъ покрылъ вѣнками изъ осоки, другихъ вѣнками изъ древесныхъ вѣшвей. Разумѣется, что первыя изъ нихъ утопленницы, а вторыя давленицы. Онѣ, по мѣпнiю Малороссiянъ, бѣгають по лѣсамъ на *зеленой* (ш. е. Троицкой) *недѣль*, ауканють, качанются на деревьяхъ, и если пойманють живаго человекъ, то щекочуть его до смерти. По сему Малороссiяне бояпся къ продолженiе сей недѣли откликанься на лѣсное ауканье.
- 11) Луна, по малороссiйскому повѣрью, есть *солнце утопленниковъ*. Они выходяпть ночью изъ воды грѣпсья на лучахъ мѣсяца, которымъ воображенiе Малороссiянъ придало теплопу.

ВЪ АЛБОМЪ БАРОШЕССЪ
О. Ф. КОРФЪ.

Предчувствію души моеи
Я вѣрю, слѣпо предаваясь,
И много въ жизни красныхъ дней
Вамъ предскажу, не запинаясь.
Надѣюсь угадать вполнѣ,
Хоть чуждъ оракула науки:
Въ васъ умъ, любезность, сердце мнѣ
За ваше счастье поруки.
Кто знаетъ васъ, и не пророкъ,
Но смѣло въ будущемъ читася,
И лести врагъ, вамъ хвалъ вънокъ
Изъ строгой истины слѣпаея.

А. Илличевскій.

САЛОВА.

*(Глава изъ путешествія въ стихахъ,
посвящается М. Д. Ховриной.)*

Какая прелесть въ эпихъ видахъ:
 Въ великолѣпн картинъ,
 Въ густыхъ въпвислыхъ пирамидахъ,
 Въпчающихъ главы вершинъ;
 Въ живой спѣнъ, крупомъ ушесъ
 И въ молодомъ, красномъ лѣсѣ,
 Который по спупенямъ скалъ
 Съ опиважной легкостью взбѣжалъ.
 Подъ охранительной оградой
 Рѣка свершаетъ пихій бѣгъ
 И усладительной прохладой
 Живитъ и пѣжитъ сонный брегъ.
 Какъ долженъ быть здѣсь свѣжъ и ласкъ
 Для пробужденнаго разсвѣтъ
 И утра звонкаго привѣтъ
 Разнообразно сладкогласенъ!

Какъ здѣсь роскошно въ знойный день,
 Таясь подъ сумракомъ прохладнымъ,
 Вкушаютъ полуденную лѣнь
 И черпають свѣжестъ чувственомъ жаднымъ!
 О, сколько почи быть должны
 Здѣсь вдохновеньемъ пайнымъ полны,
 Когда луной озарены
 Рѣки и зыбкихъ съней волны,
 Когда шайнспенный покровъ
 Природу мирную облеменитъ
 И тихій ангель свѣплыхъ сновъ
 Одинъ въ пуспыняхъ тьмы не дремлетъ.
 Задумчивостьъ пипаетъ онъ
 Душѣ знакомыми мечтами
 И снами, цѣгой и цвѣтами
 Волшебно воздухъ напоитъ.
 Все тихо! стройное молчанье!
 И берегъ и рѣка и лѣсъ
 Въ благоговѣйномъ ожиданьи,
 Полны предчувствіемъ чудесъ.
 Такъ избрашихъ, подъ съною ясной
 Здѣсь ждущъ видѣній чудеса:
 Здѣсь въ строй гармоніи безгласной
 Слились земля и небеса.

Сюда, поэтъ, съ душой гоповой
 Къ напечашльнѣямъ красоты:
 Когда природы вѣчноновой
 Не безглагольныя черпы
 Въ шебъ незапно пробуждають
 Пророчесत्वъ и преданій слы,
 И волны тайныхъ думъ скликають
 Со дна сердечной глубины.
 Здѣсь еси поэзія живая
 Въ сіяньи свѣпло-молодомъ,
 Въ прелестномъ образѣ земномъ
 И пѣмъ прелестивѣй, чю земная
 Съ печатью неба на челѣ.
 Улыбчива и величава,
 Когда безмолвснвуетъ дубрава
 И тѣни вьются по скалѣ,
 Она здѣсь видима бываешъ
 И въ созерцае погрузясь,
 Природы молча наблюдаешъ
 Разнообразіе и связь.
 Иль въ ясномъ лонѣ влаги сней
 Изображаешся она
 И чистыхъ прелестей святыней
 Ей служипъ свѣжая волна.

Такъ свѣтлой радуги сіянье
Горитъ на облачныхъ зыбяхъ,
Такъ и о ней воспоминанье
Живописуется въ мечтахъ
И прелестною неизрѣченной
Поэтомъ сердцемъ овладѣвъ,
Хранишь въ немъ образъ незабвенной
И въ лирѣ вѣрный ей напѣвъ.

Кн. Вяземскій.

ТРИ СЦЕНЫ

ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ:

И Ж О Р С К И Й. *)

I.

СУДЬ БУКИНЪ.

*Ночь; пустынное мѣсто — перекрестокъ;
по одну сторону лѣсъ, по другую кладбище;
вдали волнуется море: луна пере-
блѣгаетъ тучи.*

С О В А (*сидя на пкѣ надъ курганомъ*).

Крикъ призывный, крикъ совы!

Духи, собрались ли вы

Въ часъ волшебный, предъ разсвѣтомъ,

На холмъ, въ шуманъ одѣтомъ?

*) Первая сцена сей поэмы была напечатана въ 1-й книжкѣ Сына Отечества на 1827 годъ и содержала переѣздъ Ижорскаго опъ Царскаго села до Пепербурга и ссору за него двухъ духовъ Кикиморы и Шишиморы.

1.

МЕРТВЕЦЫ.

Мы слышали швой зовъ:
Мы поднялись изъ гробовъ,
Тамъ изъ подъ дубовъ и липокъ,
Изъ подъ рухнувшихъ кресловъ,
Рой безняпыхъ, рой Аншинокъ. *)

2.

БЛУДЯЩІЕ ОГНИ.

Рой надводныхъ плясуновъ,
Мы слышали швой зовъ,
Тамъ надъ радугой болопа,
Средь зеленыхъ, влажныхъ мховъ.
Что? какая намъ работа?

3.

РУСАЛКИ.

Мы при мѣсячныхъ лучахъ
Разкачались на древахъ,

*) Безняпными Аншипками называются въ нѣкоторыхъ русскихъ сказкахъ мершвецы Вампиры.

Хохопливья Русалки:

Вдругъ услышали пвой зовъ,
Голосъ пвой смѣшной и жалкій
И примчался изъ лѣсовъ!

4.

Л Ъ Ш И Е.

Ель, сосна не выше лѣшихъ,
Намъ въ правѣ равна права:
Что прикажешь намъ, сова?
Мы заводимъ въ пину пѣшихъ,
Мы обходимъ вѣдоковъ; —
Мы услышали пвой зовъ. —

5.

Д О М О В Ы Е.

.
Зовъ услышали — слетѣлись.

6.

С И Л Ъ Ф Ы.

Сильфы мы: мы опъ высокопъ,
Гдѣ безъ скорби, безъ заботъ
И рѣзвились и кружились,
На лучахъ луны спустились.

7.

Г Н О М Ы.

Блескъ песносный, свѣтъ дневной
Ненавидящъ наши очи:
Мы жильцы подземной почвы:
Вверхъ мы вызваны совой.

8.

О Н Д И Н Ы.

Домъ нашъ въ глубинѣ пучины:
Но на берегъ вышли мы
Изъ рѣчной прохладной пьмы,
Сладкогласныя Ондины.

9.

САЛАМАНДРЫ.

Мы жь купаемся въ огнѣ;
Любимъ мы и шрескъ и пламень;
Съ дымомъ всемя къ вышнѣ;
Разшопляемъ мѣдь и камень:
Совушка, сова изъ совъ,
Мы услышали пивой зовъ!

В С Ъ Д У Х И.

Совушка, сова изъ совъ,
Мы слышали твоей зовъ!

С О В А.

Сюда васъ звашь вельмъ великій Бука:
Судить оиъ хочешь двухъ ослушниковъ духовъ;
Надъ ними приговоръ да будетъ вамъ наука!

Не знаю, превратилъ ли ихъ въ воловъ,
Ихъ человекъ предославилъ
И грудь земли оравъ заславилъ,
Или же обернетъ въ почтовыхъ лошадей,
Или въ крихлящихъ снихонворцевъ,
Или въ дрожащихъ царедворцевъ,
Или въ игралице дѣшей,

Жуковъ, привязанныхъ погою къ шипкѣ...
А только знаю, ихъ осудить къ спрашной
пышкѣ.

Пора унять васъ: вы охотники шалишь!

Но благо: съ вѣней братьею шумить,
Я вамъ порука,
Не любить Бука.

(Бука , огромнѣйшая обезьяна , поднимается изъ подъ земли , въ большихъ креслахъ , обитыхъ алымъ бархатомъ : на немъ алый же плащъ , на головѣ большой парикъ , вътка Людовика XIV ; въ правой рукѣ пучъ розогъ .)

БУКА (къ Кикиморѣ и Шциморѣ , которыхъ передъ нимъ держитъ связаннаго другаго обезьяна .)

Кикимора! Шцимора! раздоръ,
 Который свеше между духами,
 Намъ надобль; опъ жалобъ, криковъ, ссоръ
 Покоя нѣтъ намъ: что намъ дѣлать съ вами?
 А сверхъ того не я ли вамъ велѣль
 Опшюдь, никакъ не вѣдашься съ чужбиной?
 И что же? ты, Кикимора, поспрѣль,
 Ты Англичанъ, ты Нѣмцевъ облепѣль,
 Ты ворошился съ цѣлою корзиной
 Дропивныхъ мнѣ, неслыханныхъ запѣй!
 И что же? — Рускую Литтературу,
 Мою шутиху, смиренскую дуру,
 Ты, ты заставилъ умничать, злодѣй! —

Я дядьку дасть ей, чиннаго Француза —
 Я няньку дасть ей, — называлась Муза —
 Да, Муза! — но межъ вами шалушы,
 Тобой, Кикимора, научены
 Monsieur не *вкусомъ* звали, а *педантствомъ*,
 Ее жь чеспинь изволили *жеманствомъ*.
 Диня ихъ слушалось: подь ихъ гудокъ
 Шлсало по введенному порядку;
 Вдругъ няньку въ шею, спарику полчокъ,
 Ногами топнуло — и пу, въ присядку! —
 А шы, Шншимора! шы не шалушь,
 Ты хуже шалуна, — наушникъ, згунъ:
 Обнесишь другнхъ шебъ и пиръ и праздникъ!
 Но самъ каковъ шы? говори, проказникъ;
 Скажи: какъ смѣль шы, Буки не спросясь,
 Спосишься шайно съ Дивами Ирана?
 Не шы ль подарокъ принялъ опъ Арслана? *)
 Или не я власнищель швой и князь?
 Къ тому жь, кому разкидывасшь сѣши?
 Холодному, слѣпому гордецу,
 Безумному, какъ все Адамш дѣши,
 Бѣгущему на гибель, какъ къ вѣщцу,

*) Смотр. первую сцену.

Безъ всякой помощи духовъ и ада! —
 Довишь такихъ какая шунъ опрада?
 Теперь внемлите мнѣ, духовъ соборъ!
 Произнесу надъ ними приговоръ.
 За всѣ помянутыя мною шашни,
 Я могъ бы ихъ помнѣть въ подвалахъ банни;
 Запнѣть я могъ бы въ зайчій ихъ шурупъ,
 Пуганъ и гнанъ помѣщичьими неами;
 Дѣтъ на сто запереть въ пустынный дубъ...
 Не такъ ли? могъ бы? разсудите сами!
 Но поному ли, что я милосердъ
 Или что безъ того не бышь бы сказкъ,
 Рѣшилъ я и въ моемъ рѣшенѣ швердъ:
 По предварительной примѣрной шаскъ,
 Ихъ на два года въ кабалу онданѣ,
 Къ смиренію ихъ помысловъ высокихъ,
 Пжорскому, поному сиракъ дадѣкнхъ.
 Не слишкомъ ли я блакъ? прошу сказанъ!

В С Ъ Д У Х И.

Пресшунники досшойны всякой муки:
 Подемъ и славимъ милосердѣ Буки! —

Б У К А.

Но мѣсяць въ облакахъ попухъ:
 Бѣлъень край небесъ туманныхъ,
 Рѣдвень пѣма полей прѣстранныхъ,
 Свѣтаешъ Чу! завѣль пѣнухъ.

(Бука погружается снова въ землю: изгезаютъ.)

С О В А *(одна.)*

Легче дыма, легче словъ
 Разлепѣлся сонмъ духовъ;
 Нѣтъ видѣнья, пѣпъ призрака;
 Шумъ и шопотъ ихъ зашихъ:
 Въшеръ унра свѣялъ ихъ!
 Миновало царспиво мрака;
 Солнце близко, разсвѣло:
 Сирышашья и мнѣ въ дулю!

(прятеться.)

II.

Б А Л Ъ.

Огромная, освещенная зала; оркестръ играетъ вальсъ; парь нѣсколько вальсируютъ, въ число ихъ Ижорскій съ княжною Пронскою: послѣ двухъ или трехъ туровъ, онъ подводитъ ее къ стулу и сажаетъ возлѣ графини Шепетиловой; потомъ откланивается; музыка перестаетъ; танцоры разходятся.

К Н Я Ж Н А.

Анна, съ кѣмъ я шапцовала?

Г Р А Ф И Н Я.

Ижорскаго, та сѣге, ты не знавала?

Онъ пупешеспивоваль; — въ плясь лѣпшъ

Объѣхаль цѣлый свѣпшъ.

Какъ слышно, человекъ необычайный

И свель своимъ умомъ Выпренева съ ума.

К Н Я Ж Н А.

Людей необычайныхъ нынѣ пьма.

А впрочемъ, ты признаешься сама,

Выпренева съ ума свеспшъ нѣпшъ великой пайны.

Г Р А Ф И Н Я .

Вѣтренивъ, слышите? —

В Ѣ Т Р Е Н Е В Ѣ (*который
разговаривалъ съ нѣсколькихъ отъ
нихъ шагахъ съ однимъ генера-
ломъ, — обращивается къ нимъ
и кланяясь генералу.*)

Позвольте, генераль!

(*Подходитъ къ нимъ.*)

Графиня, нѣтъ! просните! не слыхалъ.

Г Р А Ф И Н Я .

Княжна божишься, что не трудно
Съ ума васъ свесить.

В Ѣ Т Р Е Н Е В Ѣ .

Съ Княжной и съ вами спорить безразсудно:
Княжиѣ и вамъ на жертву умъ принесить
Всегда себѣ поспавлю въ честь!

К Н Я Ж Н А .

Знакомы вы съ Ижорскимъ?

ВЪ Т Р Е Н Е В Ъ.

Боже!

Мы съ нимъ друзья :

Онъ жизни для меня дороже;

Съ нимъ неразлученъ я!

Г Р А Ф И Н Я.

Намъ друга своего, Вътреневъ, опишите!

ВЪ Т Р Е Н Е В Ъ.

Глубокій умъ, но сердца не ищите :

Оно разшало отъ гибельныхъ спраспей!

К Н Я Ж И А.

Господь избавь насъ отъ шакныхъ друзей!

ВЪ Т Р Е Н Е В Ъ.

Лице Вампира или Лары.....

(Оркестръ начинаетъ играть кадрили.)

Кадриль! шамъ не доспало пары :

Осмѣлюсь ли, Княжна?

(Она встаетъ и подаетъ ему руку.)

Г Р А Ф И Н Я.

Вершъпья не откажется она!

*(Ижорскій мѣжду тѣмъ бродитъ по залу;
останавливается и смотритъ на танцую-
щихъ.)*

Ж Е М А Н С К І Й *(подходитъ
къ нему.)*

Вы такъ задумчивы, Ижорскій; влюблены ли?

И Ж О Р С К І Й.

Что за вопросъ? но пусть такъ! я влюбленъ.

Ж Е М А Н С К І Й.

Не вѣрю я: вы ко всему ослыли!

И я, признайся, свѣпюмъ упомянь:

Я много жилъ и чувствовалъ и видѣлъ,

Я много жилъ — и жизнь возненавидѣлъ!

И Ж О Р С К І Й.

Но съ небольшимъ вамъ двадцать лѣтъ?

Ж Е М А Н С К І Й.

Да въ двадцать лѣтъ я прожилъ вѣки

Изнилъ и радости и скорби рѣки,

И для меня обмановъ сладкихъ пѣтъ!

И Ж О Р С К І Й.

Тогда возьмите писюлешъ
И засирьлишесь.

Ж Е М А Н С К І Й.

Вошь совѣшь! —
Но видно по всему, вы не позншь! —
(*Уходитъ.*)

И Ж О Р С К І Й.

Вошь молодъ и румянъ — и глупъ и шучень:
А н въ него вселилась блажь,
И лезетъ онъ пуда жъ
И естрастію *байронствовать* размучень!

В Е С Н О В Ъ (*приближает-
ся къ Ижорскому съ нѣ-
которою робостію*).

Вы здѣсь, Ижорскій! и не скучно вамъ?
Средь вихря свѣша леденѣюпъ чувсшва:
Природы чудеса и чудеса искусшва
По слуху одному знакомы намъ; —
Но вы ихъ видѣли! вы были въ вѣчномъ Римѣ;
На Эпшѣ были вы: бѣ ея священномъ дымѣ

Надъ моремъ пламеннымъ, надъ ранней, свѣп-
лой мглой

Носились вы ликующей душой

При воскресающемъ дневномъ свѣпилъ.

Вы поклонялися въ снѣпяхъ при древнемъ Нилъ

Царей египетскихъ гробамъ;

Вы измѣряли пирамиды.....

О Боже мой! вы были тамъ,

Гдѣ за свободу гибли Леонида,

Гдѣ пѣлъ божественный Гомеръ!

Въ Аониахъ, въ Спартиѣ были сами!

Ахъ! какъ вы счастливы въ сравненіи съ нами!

Я, напримѣръ,

Подъ хладными я зрюю небесами,

Все это знаю изъ единыхъ книгъ. —

Какъ на восторги васъ достало?

Клянуся, за одинъ подобный мигъ,

Онѣданъ пол-жизни дешево и мало! —

*(Ижорскій смотритъ на него съ участіемъ
и жметъ ему руку, но не отвѣчаетъ:*

Всповѣ тихо удаляется.)

И Ж О Р С К І Й.

Какъ молодъ онъ, какъ пламенецъ, какъ свѣжъ!

Да! были и во мнѣ когда-то чувства шъ жъ...

Зачѣмъ же я опещѣлъ и очерствѣлъ такъ скоро?

Давно мою я позабылъ весну.

Но опъ его сокрою зора

Души моей убишой глубину:

Холодный мой языкъ счастливица не вспрево-
жипть.

Опъ впрочемъ и поняшь меня не можешъ:

Содрогся бы, когда бъ воображалъ,

Что я — среди сваяныхъ воспоминаій,

Въ сирапахъ, къ кошорымъ проспираешъ
длани,

Гдѣ каждый шагъ мой чудо обрѣталъ,

Безъ крыльевъ, безъ мечтаній

Скучалъ! —

(*Шо.мо.главъ*)

Какъ надоѣлъ мнѣ эиопъ балъ!

Мнѣ душно! Шумомъ оглушенный,

Въ полнѣ, но средь полны уединенный

Забышься не могу: пойду;

Но скуку шу же я вездѣ найду. —

(*Уходитъ*).

III.

ЗАВЯЗКА.

*Невская набережная; свѣтлая, свѣрная
ночь; Ижорскій прогуливается.*

ИЖОРСКІЙ.

Плывесть по небу ясная луна;
Съ чухъ слышнымъ синономъ о границѣ при-
брежной
Бьетъ сонная, лѣнивая волна;
Кругомъ меня и миръ и пишина:
Но мира пѣшь въ душѣ моей мяпежной!
Исполненъ дерзости, исполненъ силъ,
Когда-то призракъ счастья я ловилъ;
Но скрылся средь несчастья призракъ дивный.
Все испыталъ я, все я разлюбилъ;
И скорбь и радость мнѣ давно противны.
Пусшь ищуть! счастья искашь не мнѣ,
Въ унылой, вялой, мерзвой пишинѣ.
Я все вкусилъ: и блескъ зластой лазури
И брань стихій и брань сердечной бури,
Восшоргъ и яросшь, ревность и любовь,
Вкусилъ, забылъ, не пожелаю вновь.

Я въ битвѣ зрѣлъ дымящуюся кровь,
 Близъ моего чела жужжали пули;
 По битвѣ съ пламенныхъ, роскошныхъ успѣ
 Я поцѣлун пылъ: и что жь, скажу ли?
 Меня война и нѣга обманули!
 Въ войнѣ и нѣгѣ холоденъ и пустъ,
 Я видѣлъ смерть безъ страха, безъ участья,
 Я поднимался съ ложа сладоспращья
 Съ успалой, пресыщенною душой
 И снова рвался въ ужасъ боевой! —
 Что можешь быть еще мнѣ въ свѣтѣ ново?
 Все, все, что сладоспно, все, что сурово
 Знакомо, старо для меня: не я ль
 Изчерпалъ все и самую печаль
 И самое разкаянье? Сначала,
 Я обливался кровію, спеня,
 Но алчный коршунъ — совѣсь занимала,
 Живили угрызения меня! —
 Теперь уже ль послѣдовать совѣшу,
 Который съ часъ назадъ я далъ поэту
 Жеманскому? — Такъ! вижу, средства нѣтъ:
 И рано ль, поздно ли, а пистолесть,
 Или вода или кинжалъ надежный,
 Конецъ всему, конецъ мой неизбѣжный! —

Чпо медлншь? по зачьмъ же и спѣшншь?
 Нышь, не въ минушу прихощи, не въ скукъ
 Я разорву безцвѣтной жизни ншь:
 Холодно приготоовлюся къ разлукѣ
 Съ унылою геспннщей земной,
 Я выйду: равнодушный поспоялецъ,
 Не скроюся изъ нея, плапельщнкъ злой. —
 По что же? въ пушь гошовлюсь роковой —
 А перепенъ сей? зачьмъ хранншь мой палець
 Сей палисманъ чудесной и смѣшной?
 Какъ сердце челоука своенравно!
 Уже ль? . . . Клянусь, и ново и забавно!
 Тому, чѣмъ, могъ бы бышь блаженнымъ я,
 Не вѣрншь мершвая душа моя;
 И между пѣмъ, какъ разбирашь я спану, —
 Во глуби сердца вѣрю палисману!
 Дервшемъ, на смерть раненнымъ мнѣ данъ —
 (Я съ горстью храбрыхъ спасъ въ глухой
 пусынь
 Опъ шайки Бедуиновъ караванъ
 Дервшя помню, будто вижу нышь!)
 Имъ данъ мнѣ эпопѣ дивный палисманъ,
 И опъ сказалъ мнѣ: » Воупъ кольцо простое!
 Ты жь, сынъ мой, пренебречь имъ не дерзни:

Кольцо на палецъ прижды поверни
 И покорнись себѣ начало злое! «
 Спарикъ вдругъ умеръ; но въ его очахъ
 Изображались злоба, смѣхъ и страхъ. —
 Вопль шепчетъ мнѣ какой-демонъ, что бы
 Я испыталъ могущество кольца.
 Въ прошедшій вѣкъ, въ вѣкъ моего ошца,
 Такое дерзновенье навлекло бы,
 Что хуже казни — хохотъ на меня;
 Но измѣнился свѣтъ: день ото дня
 Воскресшія старинныя преданья
 Пріемлютъ большую надъ нами власть ...
 О люди, люди! страшныя созданья!
 Къ чудесному во всѣхъ возникла спрасъ.
 Давно ль кричали: адъ и небо бредни!
 Не вѣрили ни въ Бога, ни въ чертей;
 Все просвѣщалось, самыя передни (*)
 Теперь взгляните на своихъ дѣтей
 Ученики, поклонники Вольпера!
 Конечно суевѣріе не вѣра:

(*) Разумѣется, что здѣсь поэзія разумѣетъ не истинное просвѣщеніе; суевѣріе же съ безвѣріемъ гораздо ближе граничатъ, чѣмъ многіе думаютъ.

Но гдѣ же, гдѣ хвалепый вашъ успѣхъ?
Что ваша мудрость? и подумать — смѣхъ!
На чемъ же я остановлюсь? и вѣря
И вмѣстѣ и не вѣря, что начну?
Что будетъ, — будетъ! перстень поверну!
Пусть ошибусь: не велика потеря!...
... Разъ, два, три — вздоръ!... Но что
за спаричокъ
Горбашенькой бредетъ ко мнѣ на встрѣчу?
Чего онъ ищетъ? — спану и замѣчу. —
(останавливается.)

КИКИМОРА (*въ видѣ маленькаго старика въ строгий фракъ и красною плащъ; въ большой бѣлой квакерской шляпѣ.*)

Меня ты звалъ.

ИЖОРСКІЙ.

Тебя? когда, дружокъ?

КИКИМОРА.

Нѣтъ? стало я ошибся — вопъ забавно!
Да кто же здѣсь глубоко шакъ и плавно

О вашемъ просвѣщеннн расуждалъ,
О предразсудкахъ, суевѣрьѣ, вѣрь,
О мнръ, вѣкѣ, людяхъ и Вольперѣ
И наконецъ верштѣть колечко спаль?

И Ж О Р С К І Й.

И шакъ но не шого я ожидалъ.

К И К И М О Р А.

Бѣда! и насъ вспрѣчаюшъ ужъ по плащю!
Неужно мнѣ явннсь съ цѣмой рапшо
Чудовищъ разныхъ? вѣкѣ вѣдъ не шаковъ!
И къ намъ безжалосплнвъ онъ и суровъ:
Мы изъ баллады въ прозу перебрались.
Не гордъ, не пышенъ нынѣ нашъ нарядъ:
Намъ вмѣсно прежняго всего оспались
Фракъ свръй, красный плащъ, да чудный
взглядъ.
Но позабудъ на часъ мой видъ смиренный!
Чего желаешь? будетъ! прикажи!

И Ж О Р С К І Й.

Клянусь, хопя зовешься духомъ лжи,
Спарнкъ шы въ самомъ дѣлѣ драгоцѣнный!

И такъ послушай, милый сопостанъ:
 Мнѣ тридцать лѣтъ, здоровъ я и богатъ —
 И говорящъ, не дурень и собою,
 Быть можешь, и не глупъ; но кто жь судьбою
 Во всемъ доволенъ? тяжекъ жребій мой!
 И я (спыжусь! смѣялся падо мной
 Насмѣшникъ пы лукавый, старый, воленъ!)
 Но общемо и я бользною болень:
 Все надоѣло мнѣ, и жажду я
 Какихъ нибудь безвѣстныхъ впечатлѣній:
 Всѣхъ вялыхъ скорбей, пошлыхъ наслаждений
 Пугаешя, бѣжншь душа моя!

К И К И М О Р А.

Да, не легко себѣ помочь, пріяпель!
 Да, люди спали очень мудрены!
 Бывало, — жены, золото, чины:
 И счастливы они! а нынѣ — ксшани ль?
 Не смѣй и предлагать имъ вздоръ какой!
 Но бынь такъ! выслушай, философъ мой;
 Придумаль я новинку — вошь какую:
 Досель пы людей, ихъ мысли, свѣнь, —
 Признайся, узнаваль лишь изъ примѣнь;

Скажи мнѣ, видѣшь истину нагую
Вездѣ, во всякомъ случаѣ, всегда,
Желасшь ли?

И Ж О Р С К І Й.

Скажу, положимъ: » да; «
Твои условья?

К И К И М О Р А.

Не страшись, любезный!
Не снапу требовать твоей души:
Обрядъ пустой, спаришный, бесполезный!
Нынѣ; вонъ бумагу только подпиши,
Что годъ меня продержишь. —

И Ж О Р С К І Й.

Шутишь?

К И К И М О Р А.

Только!

Что жь? по рукамъ?

И Ж О Р С К І Й.

Бумага гдѣ?

К И К И М О Р А (*подастъ и
Ижорскій подписываетъ.*)

Изволь - ко!

ВОЛШЕБНИЦА.

Цвѣшетъ она розой, летитъ мопылькомъ,
Въ дубровахъ, въ долинахъ поетъ соловьёмъ,
Могучей пяною колеблетъ гранишь
И брызгами въ пропаснь съ утеса лепитъ.
Изъ сновъ развиваетъ блестящую цѣпь,
Дыханьемъ волнуетъ песчаную спесь,
Сливаетъ свой голосъ съ пафвомъ духовъ
И радугой блещетъ въ дыму облаковъ.
Надъ бездной воздушный черпогъ создаетъ,
Къ почлегу прохожихъ лукаво зоветъ;
Когда жь легковѣрный приблизится къ пей,
Обмануемый блескомъ невѣрныхъ лучей,
Волшебница пропасть разверзнетъ жезломъ
И съ хохотомъ понетъ въ шумагъ ночномъ.

А. Подолинскій.

Д О С А Д А.

Appena si può dir: questa fù rosa!

GUARINI.

Я долго счастливъ былъ въ мечтахъ,
Но миновалось свидѣнье;
Искалъ я жизнь въ твоихъ очахъ,
Нашелъ холодное презрѣнье!
Гордись своею красотой
И за любовь плаши насмѣшкой;
Влачи влюбленныхъ за собой,
Плѣняй, обманивай.... не мѣшкай!
Коротко время для любви:
Ахъ! годы крыльями своими
Задѣнутъ прелести твои
И навсегда умчашся съ ними.

Тогда, увидѣвши тебя
 (Тогда не будешь ты опасна),
 Я улыбнусь и про себя
 Скажу: она *была* прекрасна!

Кн. С. Глиц.

8 Ноября 1828.

ПОЛНОЧЬ ВЪ ГОРОДѢ.

Пробилъ на башнѣ часъ полночный;
 Погасъ луны послѣдній свѣтъ;
 Примѣтно стихнетъ шумъ немолчный
 Бродящихъ дрожекъ и каретъ.
 Спошворнымъ сумракомъ одѣтъ
 Уснувшій городъ. Всѣ заботы
 Легли въ объятія дремоты.
 Гульбища пусты; прогуаръ
 Освобожденъ отъ праздныхъ баръ,
 Отъ чванныхъ дамъ большаго свѣта,
 Отъ величавыхъ матерей,
 Отъ ихъ жеманныхъ дочерей,
 Отъ хладныхъ *рыцарей лорнета*,

Опъ всѣхъ порядочныхъ людей:
Исчезли всѣ.

Теперь, порою,
Бредеть чиновникъ съ имашинь,
Или съ парушки мѣщанинъ
Подъ ручку съ полною женою;
Лишь пощій Пинда гражданинъ,
Опринувъ сонъ и ласки лѣни;
Всегдашній рабъ своей мечпы,
Напрасныхъ ищетъ вдохновеній
Среди полночной пустыны;
Да двѣ - три рѣбкія четы
Украдкою опъ встрѣчь нескромныхъ
По камню звонкому бызуть
Въ смиренный, пѣсный свой приютъ,
Хранимый ларами бездомныхъ —
И буточникъ, въ пѣни почной,
Безпечно впоритъ окликъ свой.

А. К.

ЭПИТАФІЯ

И. А. Н..... му.

Въ пучинѣ золь чиста и невредима,
Безъ ропота земное соверша,
Надъ симъ холмомъ, въ сіяньи Херувима,
Шарипъ его прекрасная душа!
И надъ главой скорбящей у могилы
Разширила блистапельныя крылы.

А. Подолинскій.

ВОЕННАЯ ПѢСНЯ.

Друзья, друзья! крылатою мечтою
Мы пролетимъ волшебство нашихъ свѣтъ,
И оживимъ, хранимые судьбою,
Чѣмъ Рускій Богъ прославилъ Рускихъ мечъ...

И кровь лилась, и брань опять кипѣла
И пѣшилась несыная война:
Спрана снѣговъ спенала и горѣла;
Но Славянинъ искалъ Бородину!

*

И кровью смылъ онъ вѣчныя обиды,
Въ своихъ снѣгахъ онъ лавры оборвалъ,
Что на чело, съ подножья пирамиды,
До Нѣменя вождь Галловъ собиралъ.

*

Перенеслись съ Днѣпра до Сены битвы:
Нашъ штыкъ сверкнулъ въ виду Парижскихъ
стѣнъ;

Услышаны всеобщія молитвы

И геній битвы съ престола низведенъ.

*

А между тѣмъ, нашъ мечъ предъ Тегераномъ
И русской конь въ Араксъ воду пьешь,
И удалой козакъ съ своимъ арканомъ
Лезгинъ въ горахъ кавказскихъ спережешь.

*

А между шѣмъ, когда близъ Арарата
 Грань руская мечемъ застычена,
 Близъ береговъ опечесива Сократа
 Мысль о Чесмѣ намъ вновь возвращена.

*

И вѣрится, что къ башнямъ Византии
 Мы, какъ Олегъ, прибѣмъ державный щипъ
 И Эллинамъ, Орелъ и мечъ Россіи
 За крестъ Христа — спасенье подаримъ.

Предъ Богомъ силъ, о братья! въ прахъ главою,
 Онъ нашъ всегда среди кровавыхъ сѣчъ;
 Къ Нему съ мольбой завѣшною свяшою:
 О Рускій Богъ! храни російскій мечъ!

1827.

КРИТИКУ АХИНЕИНУ,

Ты жалокъ, бѣдный Ахинейнъ,
 И дѣльно, крипикъ, пы възбшонъ:
 Романишками пы осмѣяпъ,
 Да пы жъ и въ классикахъ смѣшонъ.

* *

О Т В Ъ Т Ъ.

Не говори: завидѣнь даръ
И вдохновеніе поэта;
Не вѣчепь въ немъ священный жаръ,
Не вѣчно грудь его согрѣша.
Какъ много дней цвѣтущихъ онъ
Въ бесплодныхъ замыслахъ утратилъ,
И рѣдко вдохновенный сонъ
Его созданіе освятилъ!
Въ міръ необъяпный, въ міръ иной,
Переленя воображеньемъ,
На міръ сущесвенный, съ презрѣньемъ.
Глядишь, какъ жилось не земной.
И часто грудь его страдаетъ:
Не зная радостей земныхъ,
Онъ ихъ надменно опвергаетъ,
А до небесныхъ не достигъ!...

А. Подолинскій.

МАСКАРАДЪ.

ИСТИННОЕ ПРОИЗШЕСТВИЕ.

Коропкѣй зимній день смѣнялся вечеромъ, слабый свѣтъ зажигаемыхъ фанарей спорилъ съ наступающею темнотою и изрѣдка былъ слышенъ шукъ запираемыхъ спавней. — Множество саней и двѣ или при карешы спояли на дворѣ и у ворошъ небольшого, ярко освѣщеннаго домика, гдѣ веселые гости вершѣлись подъ гулъ двухъ или трехъ скрипокъ. Зала съ шрудомъ вмѣщала танцующихъ; вокругъ спѣнъ ея сидѣли пожилыя дамы и нѣсколько спариковъ, не играющихъ въ каршы. Въ углу между послѣдними сидѣлъ Миловъ, молодой человекъ привлекательной наружно-

спи. Глаза его были успрямлены на Софью С., прекраснѣйшую дѣвушку изъ всего общесства; желая узнать, кто она такова, онъ завелъ разговоръ съ сосѣдомъ своимъ, и между разспросами о многихъ танцующихъ, спросилъ его также и объ ней. Сосѣдъ, казалось, проникъ его намѣреніе: назвавъ Софью, онъ посмопрѣлъ значительна на Милова — и лице юноши покрылось живымъ румянцемъ. Въ общесствѣ, въ которомъ почти всѣ знаютъ другъ друга, трудно оспаться незамѣченнымъ молодому человѣку, шѣмъ болѣе, когда онъ не танцуетъ. Графиня Р., молодая вдова, была одною изъ обратившихъ вниманіе на Милова; она спросила объ немъ у хозяйки и та рассказала ей, что онъ недавно пріѣхалъ изъ Воронежской губерніи, гдѣ жилъ нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ, и что

теперь въ Пешербургѣ ищешь мѣста. Между шѣмъ другія дѣвушки разсуждали, опъ чего онъ не танцуетъ и полагали, что причиною тому новоспъ его въ пешербургскомъ кругу и заспѣчивоспъ, либо недостапокъ въ знакомспвахъ. Онъ единодушно уговорили Софью звать его на слѣдующій танецъ, замѣчая съ коварной улыбкою, что его взоры всегда, на ней оспанавливались.— Софья идетъ къ Милову, краснѣя говоритъ ему, что всѣ дѣвушки сердятся на него, что онъ лишаетъ ихъ удовольствія танцовать съ нимъ, и зовешь его на копильонъ. Въ своей спешной деревнѣ, онъ зналъ только имя этого танца; что ему было дѣлать? Его языкъ не поворачивается сказать, что онъ не танцуетъ; а онъ увѣренъ, что ноги еще скорѣе, чѣмъ языкъ, измѣняютъ ему. Еще онъ не

рѣшился, какъ вдругъ подоидишь графиня, держа въ рукахъ чешыре каршы, и говоришь ему: »хозяйка сказала, что вы обѣщались соспавишь намъ паршю въ виспъ; уже ли вы хошите обманушь насъ? « Лице Милова прояснилось: онъ взялъ каршу, неловко извиняясь передъ Софьей, что онъ не можешь исполнить ея желанія; она ушла, она не поняла, какъ графиня, борьбы спраспей, выразавшихся на лицѣ его: ей было спранно, какъ можешь молодой челоувѣкъ предпочесъ игру шанцамъ?— »Любите ли вы играшь? « спросила графиня Милова, сядясь за каршочный споль. Онъ признался, что почти вовсе не знаетъ игры и она предложила играшь по самой малой цѣнѣ. Во все продолженіе игры шемно-голубые глаза графини были обращены на Милова: его полныя, пы-

лающія огнемъ юности щеки, его живые, огненные глаза, — все это было такъ ново, такъ очаровательно для женщины, не выѣзжавшей изъ Пестербурга.

Пробило при часа; споль былъ накрытъ и всѣ пошли ужинавъ. Въ споловой сѣли почти однѣ дамы; для мужчинъ накрыты были сполы въ другихъ комнахахъ; множесво бушылокъ замѣняло на сполахъ сихъ десертъ, живописно разположенный на главномъ. — Миловъ не любилъ пишь и попому сѣлъ съ дамами. Глаза графини и Софы часпо на немъ оспанавливались; на первую глядѣлъ онъ съ какою - то благодарносцію, съ какимъ - то воспоргомъ, и казалося, упрекалъ другую за причиненное ему замѣшательсво. Ужинъ кончился, госпи начали разѣзжашься; Миловъ подалъ салонъ графинѣ

и получилъ приглашеніе бывать у нея.

На другой день рано поутру оставилъ онъ свою кварширу и въ двѣнадцать часовъ былъ въ передней графини. — Разбуженные слуги зѣвая опвѣчали ему, что госпожа ихъ еще недавно заснула и что не прежде прехъ часовъ онъ можетъ ее видѣть. Миловъ возвратился домой; при часа показались ему према годами. Уже ли онъ влюбленъ въ графиню? уже ли, незнакомый досель съ спрасною, онъ умѣлъ прочиташъ въ глазахъ ея чувства, или надѣяся съ ея помощью доспашъ выгодное мѣсто? Не знаю, копорое изъ сихъ побужденій управляло имъ; но онъ часно глядѣлъ на часы, и въ при часа былъ опашъ у графини. Его приняли и графиня была къ нему шакъ благосклонна, шакъ нѣжна, съ такою искренно-

спію просила его бываць у нея чаще, чшо онъ ушелъ совершенно обвороженный сю и рѣшился пользоваться ея приглашеніемъ; ихъ свиданія день ошо дня спановились чаще и продолжисьельнѣе, и скоро — Миловъ жилъ шолько для графини, а она для Милова.

Такъ прошелъ годъ; однажды Миловъ, возврацясь домой, видишь на сполѣ билешъ, копорымъ зовушь его на балъ къ спаринному его знакомому. Онъ вспомнилъ, чшо за годъ передъ симъ въ эпомъ же домѣ въ первый разъ показался онъ въ свѣтѣ, и въ первый разъ увидѣлъ графиню; еще чшо - шо припоминалъ онъ, но пакъ не ясно, чшо и самому себѣ не могъ дашь опчета въ мысляхъ своихъ. — Онъ прѣхалъ на балъ; шамъ все напоминало ему о минув-

шемъ; онъ вспомнилъ, какъ неловкимъ провинціяломъ сидѣлъ въ углу; узналъ своего сосѣда, взгляды копоряго привелъ его въ краску; узналъ и Софью.... И она узнала его, хоть это и было довольно трудно: уже онъ не былъ пошль неловкій Миловъ, копоряго нѣкогда такъ смушило приглашеніе на копильонъ; уже онъ очаровывалъ своею ловкостію и почти цѣлый вечеръ не садился; но за то, гдѣ живой румянецъ щекъ его, гдѣ его блискавшіе глаза?

Нѣсколько разъ неспройные звуки наспроиваемыхъ скрипокъ раздѣляли веселыя мазурки опъ быспрыхъ вальсовъ. Миловъ все танцуетъ съ Софьей, не примѣчая въ своемъ упоеніи прѣхавшей графини и не думая, что обращаетъ на себя общее вниманіе, танцуя всякой разъ съ пою же да-

мой. Глаза графини скоро сыскали Милова: она видѣвъ его шанцюющаго съ Софьей и ревность закралась въ ея душу; она взяла чепыре каршы и съ усмѣшкою поднесла ихъ къ Милову, что бы отвлечь его отъ Софьи, или что бы опомснить ему, напомнивъ шѣмъ первый вечеръ знакомства ихъ. Миловъ, казалось, понялъ насмѣшку ея и не взялъ каршы. Графиня съла играшь; между шѣмъ мать Софьи, видя вниманіе, обращаемое Миловымъ на дочь ея, поспѣшила сдѣлать ему приглашеніе въ ея домъ. И съ энихъ поръ все свободное время Милова спало дѣлишься между графинею и Софьей; но послѣдняя, казалось, совсѣмъ завладѣла его душою. Не могли попрежнему всякой день бывать у графини, онъ извинялся передъ нею по

дѣлами службы, по какою нибудь болѣзнію. Впрочемъ, на другой день они обѣдали вмѣстѣ и никакого слѣда ссоры не было замѣтно между ними.

Наспунили свѣчки; графиня просила Милова ѣхать въ маскарадъ и они согласились нарядиться Турками. Маскарадъ начался: шамъ шурецкой Паша вальсируетъ съ русской кресьянкой, здѣсь кипайской Императоръ увивается около спройной Амазонки; но щещно графиня ищеть знакомаго ей Турка: Турокъ много, но ни въ одномъ не можешь она разпознашь Милова. Наконецъ, приглядываясь по къ шѣмъ, по къ другимъ, она оспановила свое вниманіе на двухъ маскахъ, прохаживавшихся въ ондаленномъ концѣ залы. Походка измѣняетъ имъ: графиня узнала Милова, а въ шоварищѣ его ошгадала

Софью Бышь обманушой такъ жеспоко, бышь презрѣной для другой — можешъ ли эшо проспишь женщина! — Графиня вспомнила и балъ, на кошоромъ Миловъ панцовалъ съ одною Софьей, и его безпрешанно возраспавшую къ ней холоднось. — Шылая гнѣвомъ, она уѣхала.

Прошло полчася; однообразно перспрѣла зала; но кто эша маска, одѣшая корсаромъ? Для чего она не даешъ покою Милову и Софьѣ, ходящимъ въ менѣ освѣщенной часпи залы? Ея глаза сверкаюшъ; ея порывисшыя движенія показываюшъ сильное распройспиво души; нѣсколько разъ, кажешся, съ намѣреніемъ она толкнула Софью, нѣсколько разъ наспупала на ногу Милову. Наконецъ, вышедъ изъ шеривнїя, онъ толкнулъ ее такъ сильно, что маска

едва успояла на ногахъ; оправившись, она быстро подошла къ Милову, и разпахнувъ верхнее плащье, указала на писполеспы: онъ понялъ ее, и опведя испуганную Софью къ ея машери, пошелъ за маскою. Дикой Американецъ и какой-то рыцарь кресповыхъ походовъ, бывшіе недалеко и видѣвшіе все дѣло, вызвались бытъ секундансами ссорившихся.

Разсвѣпало. Сѣвъ въ карешу Американца, всѣ опправились за городъ; дорогою Миловъ снялъ маску, секунданшы уговаривали корсара сдѣлать по же, но онъ оспался замаскарованнымъ и сидѣлъ молча, закущавшись въ медвѣжью шубу.

На пяшой верспѣ кареша сворошила съ большой дороги, и опѣхавъ нѣсколько въ сторону, оспа-

новилась. Секунданшы зарядили пистолеты порохомъ, бывшимъ въ сумкѣ корсара, и опмѣряли чешыре шага для барьера и по десяти въ обѣ стороны.

Взявъ пистолеты, соперники идутъ къ барьеру. Оба одинаково храбры, оба пылаютъ мщеніемъ. Шагахъ въ шестнадцать, Миловъ выспрѣлилъ; рука его дрожала: еще въ первый разъ гошовилась она нанесши смерть — онъ промахнулся, но съ пою же неуспрашимосцію, съ пѣмъ же хладнокровіемъ продолжаетъ итти уже на вѣрную смерть. У барьера они сходясь и корсаръ проситъ секунданшовъ удалиться на минушу, говоря, что имѣетъ нѣчто тайное сказать своему пропивнику. Секунданшы отошли въ сторону, корсаръ снялъ маску и изумленнымъ гла-

замъ Милова предспала графиня... » Измѣнникъ! « сказала она: » спѣишь ли ты оспашься въ живыхъ? « Между тѣмъ писполепъ ея былъ наведенъ на Милова, но въ выраженіи лица не было ничего, угрожавшаго ему смерщю.

И негодованіе, и досада, и спѣдъ спрѣляпъся съ женщиною — все это раздирало Милова. » Умерепъ опъ шебя пріапнѣй, чѣмъ жишь съ побою! « опвѣчалъ онъ съ презрѣніемъ. — Графиня задрожала, судорожное движеніе сжало палець, лежавшій на спускѣ — и съ проспрѣленной грудью, Миловъ упалъ на землю. — Писполепъ выпалъ изъ рукъ графини; нѣсколько секундъ стояла она неподвижно, попомъ зашашалась и упала на шѣло Милова; хладѣющей рукою онъ опшполк-

нуль ее опъ себя, и произнося имя Софыи, казалось, жалѣль только объ ней, оспавляя землю.

Услышавъ выспрѣль, секунданшы подошли; помощь Милову была безполезна; но каково жь было ихъ удивленіе, когда въ корсарѣ они узнали женщину — узнали графиню Р.! Опвезя ее въ ближнюю деревню, они спарались возврашшь ей чувспва; она получила упопробленіе ихъ — но разкрывшїеся глаза ся блуждали, но движущїяся уста произносили безсмысленные звуки.

Посѣщая въ домѣ сумасшедшихъ одного несчастнаго родспвенника, пошерявшаго разсудокъ, видѣль я женщину блѣдную, худую, съ попухшими глазами: видъ всякаго мужчины приводиль ее въ слезы, на всякую женщину смопрѣла она съ ужасомъ,

и говоряшь, что съ грудомъ можно было удержашь ея бѣшенство при видѣ молодой дѣвушки. — Ея стройный станъ, ея правильныя черты лица, ея большіе, темно - голубые глаза — все показывало въ ней бывшую красавицу Эта несчастная была графиня Р.

* * *

П Р И М Ъ Т Ы.

Я ъхалъ къ вамъ. **Ж**ивые сны
За мной вились толпой игривой
И мѣсяцъ съ правой стороны
Осеребралъ мой пушь ретивой.

Я ъхалъ прочь. **П**ные сны...
Душѣ влюбленной грустно было
И мѣсяцъ съ лѣвой стороны
Сопровождалъ меня уныло.

Мечтательно вѣчному, въ пиши
Такъ предаемся мы, поэты;
Такъ суевѣрныя примѣны
Согласны съ чувствами души.

А. Пушкинъ.

Р Е В Н О С Т Ь.

Когда, подсывъ къ себѣ наединѣ,
Рѣчей твоихъ вкушаю упоенье,
Зачѣмъ порой въ душевной глубинѣ
Являешя преступное сомнѣнье?
Ты хочешь знашь, зачѣмъ, какъ демонъ злой,
Я иногда тебя глазами мѣрю? —
Какой-то страхъ овладѣваетъ мной
И полнощъ блаженства я не вѣрю
Такъ иногда при блескѣ поржесства,
Случается, униженье бродишь;
Такъ иногда во храмъ Божества
Мысль грѣшная намъ въ голову приходитъ.

В. Шастный.

НАДЕЖДА.

Безплодной жизнью недовольтный,
Я полюбилъ мой мечты,
И на олтарь Камены вольной
Принесъ весеннiе цвѣты.
Мнѣ душу грѣшь упованье,
Что, гдѣ нибудь, чрезъ много днѣй,
Мое лелючее созданье
Опыщенъ кпо-шо изъ друзей.
Въ гостяхъ у жизни запоздалый,
Онъ грустно молвить: »какъ давно'«
И поминальное вино
Ольнить звучные бокалы!

А. Подолнскій.

В О Л Н Е Н І Е.

(Отрывокъ.)

Желанья! бурныя желанья!
Къ чему я слышу вашъ призывъ?
Куда, на новыя спраданья
Меня закинешь вашъ порывъ?

Волненье! темное волненье!
Къ чему мятежно будишь пы
Оспывшее воображенье
И обличенныя мечты?

Васъ знаю вновь, сердечной скуки
Тоска, неутолимый адъ,
Васъ, безъмяншой лзвы муки,
Не познающіа оправдъ!

Вы съ новой силой овладѣли
Моёй взволнованной душой;
Какъ мчнтся облако безъ цѣли,
Спрямглавъ гошмое грозой;

Какъ вѣтръ играетъ имъ въ полетѣ
По дикой прихоти своей,
Такъ мной господствуя, влечете
Шодъ бурю пламенныхъ спрасней.

Я вашъ! разсудокъ малосильный
Предъ вашей власью опѣмѣль:
Но кто жь укажетъ брегъ обильный,
Гдѣ воздаянъя цвѣтъ разцвѣль?

Въ добычу думамъ любопытнымъ
Какихъ опыскивать Колхидъ?
Гдѣ зрѣютъ взорамъ ненасытнымъ
Шлоды роскошныхъ Гесперидъ?

Опъ испытанья къ испытанью
Довольно рокъ меня послѣлъ;
Но безграничному желанью
Вездѣ границы находилъ.

Вездѣ цвѣтъ пышный наслажденья
Смѣнялся припорнымъ плодомъ,
Иль ранній холодъ пресыщенья
Губилъ ихъ въ опирскѣ младомъ.

Вездѣ свѣптъ гордый хладнымъ смѣхомъ
 Души поэзію встрѣчалъ
 И судъ его былъ рабскимъ эхомъ
 Продажныхъ сплешней и похвалъ.

Вездѣ обмапчивый свѣпильникъ
 Божашымъ былъ къ одру надеждъ,
 Гдѣ грозно опыпа будильникъ
 Гналъ сповидѣнья съ влажныхъ вѣждъ.

Какъ часто сыпъ снѣжнѣ бурной,
 Пскапель бѣдспвій и чудесъ,
 Скучаетъ шишиной лазурной
 Надъ нимъ разкинушихъ небесъ.

Скучаетъ почвой безмятежной,
 Его родное солнце жжѣнь:
 Печально у скалы прибрежной
 Онъ сядя, молишь ценогодъ.

Онъ молитъ, что бы вихрь желанный
Его похитилъ съ береговъ
И заслонилъ бы мракъ туманный
Топть ненависанный сердцу кровь,

Гдѣ былъ веселымъ счастьемъ встрѣченъ
У прага жизни молодой,
Гдѣ непороченъ и безпеченъ
Былъ въ миръ съ жизнью и собой.

Въ душѣ, палимой спрасью знойной,
Опъ, ужасаяся, бѣжитъ
Карпины лпой и спокойной,
Гдѣ все о прошломъ говоритъ.

Тамъ жапва жизни съ красною
Цвѣпепъ надеждами полна:
Опустошительной грозою
Душа его разорена.

Тамъ мiръ его первоначальный,
Ковчегъ неплѣнный лучшихъ днiй:
Въ душѣ развалины печальны
Всего, что было живо въ ней.

Въ поскъ сердечнаго цедула
 Возненавидѣлъ онъ страну,
 Гдѣ зрится, какъ тѣньвнй призракъ друга,
 Воскресшей жизни старину.

Изъ гроба свыплыхъ упованій,
 Которыхъ онъ не оправдалъ,
 Ему на ужасъ, пареканій
 Нейзбѣжимый гласъ возсиялъ.

Едва ударитъ въ ширь свирѣпый
 По грозно вздрогнувшимъ волнамъ
 И нагло разорветъ заклёны
 Ладьи, прибитой къ берегамъ,

» Бушуйте, волны бездны синей е,
 Съ воспоргомъ восклицаетъ онъ.

» Мягжеюй предаю пущиъ

» Мягжеюй жизни бурный сонъ.

» Къ вамъ, боги! робкаго моленъ

» О благахъ я не приношу:

» Волвсенья, одного волненья

» Душою жажду и прошу.

- » Какъ сладко, океанъ, урюмый,
 » Теряясь, посреди зыбей,
 » Давая плану свободной думы
 » Сердиной, прелесни тив
- » Люблю въ безопасности отважной,
 » Люблю въ доверии слепомъ
 » Играшь съ швоею, гривой влажной
 » На бѣдсленномъ, крепивъ лвоёмъ.
- » Люблю, безспрашною улыбкой
 » На бипву, вызвать бури гнѣвъ
 » И слушать, вдоль равнины зыбкой,
 » Какъ, возникася грозный, ревъ.
- » Пусть, преданный, земному праху
 » Влачишь по долу, робкій, вѣкъ:
 » Любуюсь ужасамъ, и, спраху,
 » Я океану, жизнь обрекъ.
- » Презрѣвъ, земной, неволи цѣни,
 » Свергаю ихъ, на, хладный, брегъ,
 » Спремлю, на, здникъ, бурной, ещепи,
 » За дикимъ, въпрямъ, смѣлый, бегъ!«

Игрѣ стихій словѣхъ и гнѣвныхъ,
 Дано ль и мнѣ, въ печенѣхъ дней,
 Некашь источникъ силъ душевныхъ
 Въ борьбѣ враждующихъ спрасней.

Кн. Вязе.

КЪ

Вездѣ преслѣдованъ гопова
 Мечна ревнивая шебя,
 И будто праздника свяпова,
 Съ тобою встрѣчи жажду
 Но сердцу въ тягость встрѣча эна,
 Какъ зной поминельнаго льна.
 На очи мнѣ палящій взглядъ
 Наводишь ты безъ состраданья,
 И при тебѣ одни желанья
 Въ груди препещудей кипявь!

Такъ, ночью, лѣтнею младенца,
 Земли роскошной поселенца,
 Звезда, манишь издадека;
 Но поить къ ней шянешся напрасно:
 Звѣзды златой, звѣзды прекрасной
 Не достигнешь его рука! ...

А. Подолшнскій.

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

Меня недугъ измучилъ безпокойный;
 Я памяти лишался... Кто-то мнѣ,
 Невѣдомый, въ разгоряченномъ снѣ,
 Тогда предсталъ: то юноша былъ спройный,
 Таинственный и чѣмъ-то не земной —
 Но блѣдною былъ спрашенъ красотою!
 И кипарисъ и праурныя розы
 Вились ввыкомъ въ разпущенныхъ власахъ,
 И яркіе сіяли, на листахъ
 Иль крупныя жемчуги, или слѣзы!

Его покровъ — густая тьма ночей
 И крестъ златой въ дщпицъ! Взоръ очей
 Разнпельной казался мыслью, чуднымъ
 Его души перуномъ, нль лучемъ
 Изъ горняхъ мвсепъ! Я робкйй взглядъ на немъ
 Остановилъ — и жизнь дыханьемъ пруднымъ
 Чупъ въяла въ груди моей... Я зналъ,
 Я чувствовалъ: онъ смерти Ангель чорный!
 И смерти спрахъ по сердцу протекалъ
 И жаръ мейя пошилъ и мразъ плещивающйй!
 Онъ мнѣ поднесъ священный крестъ: съ крестна
 Какой-то огнь пошекъ въ мои уста,
 Произшелъный, но чудно-благопворный —
 И засвпллъ внезапно генйй чорный:
 Вънокъ изъ розъ, какъ звзды, вокругъ чела,
 Лице горитъ румяною красою!
 Какъ облако, надъ нимъ летаетъ мгла
 И радуга, надъ гордою главою,
 Торжественно сгибается.... Съ рампъ
 Сленилъ покровъ — и улыбнулся онъ,
 И крыля златныя развивая,
 И крыльями шумящими махая,
 Вспорхнулъ, исчезъ въ сйяньи... Вкругъ мейя,

Какъ море, блескъ; бѣжали пѣши ночи
И эмпирей восшорговъ и огня
Меня слѣпилъ . . . съ трудомъ прозрѣли очи:
Въ нихъ ударялъ восходъ свѣшила дня.

Баронъ Розенъ.

КНЯГИНЯ З. А. ВОЛКОНСКАЯ,

на отъездѣ ея въ Италию.

Изъ царства вѣсна и зима,
Гдѣ подъ управой ихъ двойкой
И атмосферу и умы
Сжимасть холодъ одинакой,
Гдѣ жизнь какой-шо тяжкій сонъ, —
Она спѣвшинъ на Югъ прекрасный,
Подъ авзонскій небосклонъ
Одушевленный, сладострастный,

Гдѣ въ куцахъ, въ портикахъ палантъ
 Окнавы Тассовы звучантъ ;
 Гдѣ въ древнихъ камняхъ боги живы,
 Гдѣ въ юной, чистой красотѣ
 Рафасль дышетъ на холмѣ,
 Гдѣ всѣ холмы краснорѣчивы ;
 Но гдѣ не спыдно, можетъ бышь,
 Герои, міра власшлицы,
 Вамъ Каппиолій позабышь
 Для Капицолія Корвинны ;
 Гдѣ жизнь игрива и легка,
 Тамъ лучше ей: чего же болѣ ?
 Зачѣмъ же пляжка и попка
 Снѣсяетъ сердце полеволь !
 Когда любимая краса
 Последнимъ сномъ смыкаетъ вѣжды,
 Мы полны ласковой надежды,
 Что ей онкрыты небеса,
 Что лучшей мірь ей угошвантъ,
 Что славой вѣчною, свѣшло
 Тамъ заблещитъ ея чело ;
 Но скорбный духъ не уврачовантъ,
 Грудь стѣсненной няжелю

И не упѣшно мы рыдаемъ
 Такъ, сердца нашего кумиръ,
 Ее, печально провожаемъ
 Мы въ лучшій край и лучшій мѣръ.

Баратынскій.

РУСКАЯ ПѢСНЯ.

Сиротинушка, дѣвушка!
 Полюби меня мѡлодца,
 Полюбя, приголубливай,
 Мои кудри разчесывай.
 Хорошо цѣвѣнку на полѣ,
 Любо пшашечкѣ на небѣ;
 Сиротинушкѣ, дѣвушкѣ
 Веселѣй ного съ мѡлодцемъ.
 У меня въ дому волюшка,
 Отъ бѣды оборонушка,
 Что ошѣ дождичка кровелька,
 Ошѣ жары дневной спавельки;

Онъ лихой же разлучицы,
 Онъ лукавой укащицы,
 На воропахъ замокъ виснигы,
 Въ подворошенку песь глядингы.

Баронъ Де.

УДАРЪ ГРОМА.

Родясь въ мясешномъ пвдръ шумъ,
 На крыльяхъ бурной непогоды
 Небесъ незыблемые своды
 Пронскъ онъ, свѣтслъ и могучъ;
 Шниъ, вилъ, какъ змій крылацвѣй
 И блескомъ ослѣпляя взоръ,
 Онъ низлешвъ къ вершинамъ горъ;
 Трикраны
 Обвилъ вокругъ гранишныхъ скаль,
 Разбилъ полешомъ дубъ надменный...
 И вдругъ, какъ будшо ушомленный,
 На землю шрепеншую наль!

А. К.

 ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РУССКОЙ СКАЗКИ.

У насъ охотники писашь,
 Все мѣняютъ съ висока начашъ:
 Экспромтъ ли миленькой кропаюшь,
 Иль пышну оду начинаюшь,
 За все, про все, — все Музь зовуяшь;
 А Музы ухомъ не ведушь! —
 Чшо жь не въ свои саднисья сани?
 Я не хбчу во слѣдъ другимъ
 Плакннть обыкновенью дани.
 Хочу ипши путемъ своимъ:
 Хочу не Музу молодую
 Теперь къ себъ на помощь званъ,
 А няньку дряхлую, сѣдую,
 Мою Анфису величать.
 Анфиса, ты не Каллиопа!
 Твое прозванье не гремишь;
 За тво пвой вещій умъ храни
 Вся шайны Ноева пошопы;

За то премудростью своей
 Постигла ты самихъ черней:
 Онь сапаны до домоваго
 Со всею лѣшихъ, вѣдьмъ полною
 Ни что не скрыпо предъ побой.
 Нѣтъ чуда на Руси такого,
 Что бъ ты сначала до конца,
 О пиянка мудрая! не знала,
 И красныхъ два, нль три словца
 Прибавивъ, намъ не рассказала.
 Бывало, зимнимъ вечеркомъ
 Изъ класса только что урвемся,
 На ашпресоли заберемся,
 Обсядемъ всѣ тебя кружкомъ
 И молча, въ тишинѣ глубокой,
 Дивимся мудрости высокой,
 Съ какою ты въцасъ намъ
 Дѣла богатырей огромныхъ,
 Несчастія красавицъ скромныхъ
 И козни, свойственны черпямъ.
 Когда ты съ важностью вязала
 Твой сѣрый ипьяный чулокъ
 И чудны сказки начинала, —
 Все прочь онь мыслей ошленило

И даже завпрешній урокъ !
 Мы какъ прикованы сидѣли :
 Чихнувъ, придвинувъ стулъ не смѣли
 И робкой, трепещущей душой
 Во слѣдъ словамъ швоимъ лешѣли
 За похищенною княжнѣю:
 То съ ней въ пещеры выпускались,
 То въ мрачномъ лѣсѣ съ ней скинались
 И, внемля лѣшаго шамъ свистъ,
 Тряслися, какъ осенній листь.
 Все было тихо: лишь порою
 Скреблася мышь въ шкапу пущномъ,
 Собаки выли подъ окномъ
 И кошъ мяукала за стѣною,
 Или Никифоръ, швой супругъ,
 Приникнувъ легкою дремотой,
 Внезапно покачнувшись вдругъ,
 Протяжной, медленной зѣвотой
 Молчанье ночи прерывалъ
 И сладкій ужасъ разрушалъ.

Н. А.

Т О П О Л Ь.

Тихо свѣшивъ въ небѣ чистомъ
 Крушорогая луна;
 Тѣнь на берегъ лѣснымъ,
 Въ лѣномъ полѣ пишина.
 Опъ порога, пушь широкій
 Раздвоилъ широкій дворъ;
 Здѣсь, на пополь одинокій
 Устремленъ мой скорбный взоръ.

Часто, спройными вѣтвями,
 Онъ Минвану освѣнялъ;
 Какъ опъ сладосно надъ нами
 Въ тихій вечеръ препеналъ!
 Какъ смрялось здѣсь желанье,
 О Минвана! предъ тобой!
 Какъ живилось упованье
 Вѣрой чистой и свѣдой!

Здѣсь она ко мнѣ склоняла
Прелесть юнаго чела,
Тихо грудь ся дышала
И лобзанія влекла.

Но невинными очами
Я на спящую смотрѣлъ:
И не видѣлъ, какъ лучами
Край Востока пламенѣлъ.

Здѣсь я имя незабвенной,
Въ часъ разлуки роковой,
Въ пополь, сю освященной,
Врѣзалъ шрепешной рукой.
Здѣсь опять я жду свиданья;
Но Минваны прежней пѣтъ!
Гаснеть на рукахъ спраданья,
Какъ предъ упромъ лунный свѣтъ.

Гдѣ жь хранительныя сѣни?
Тополь нашъ сожжетъ грозой!
Я одинъ, склоняю колыни
Прихожу къ нему порой...

Тамъ, какъ призракъ великана,
Онъ упалъ во прахъ челою:
Для чего, моя Минвана,
Не въ меня ударилъ громъ!

Александръ Мансуровъ.

Марша 1621. Москва.

А. П. В-ФУ,

на отъездъ его въ армію.

Еще тебя благословляю,
Мой добрый другъ, возлюбый мой,
Лихой гусарь, родному краю
Слуга мечемъ и головой.
Хрисполюбиваго поэта
Надежду грудью оправдай,
Рубись — и царство Магомена
Неумолимо добивай!

П. Языковъ.

 И У Д А.

Чей ликъ, искаженный
 Безвременной смертию,
 Укорами совѣши,
 Спыдомъ, паказующимъ
 Преступную душу,
 Прохожихъ спрашивать?
 Чей трупъ охладѣлый
 На дровъ висѣть? —

Иуды!... шепчешь прохожій,
 Трепещешь и взоръ отвращаешь;
 И лисья трепещунъ — досель
 Несчастливые лисья
 Иудина древа *):
 Какъ будно и нынѣ
 Зловѣйскаго бремя
 Спрашанелъ они.

*) Въ прошломъ народѣ есть преданіе, что Иуда повѣсился на осинѣ.

Чѣ слышишся имя
Во громахъ подземныхъ,
И имъ огласились
Всѣ адовы своды?
Иуда! Иуда! ...
Весь адъ восклицаетъ
И бѣсы ликуя,
Иуду сръшають
Со смѣхомъ взывая: .
 Радуйся, другъ!

Александръ Корсакъ.

А Л Ь П У Г А Р А .

Б А Л Л А Д А .

(Изъ поэмы Мицкевича: Конрадъ Валленродъ.)

Всюду Мавры разбиты; въ развалинахъ грады,
 Въ оковы народъ заключень;
Не сдастся одна лишь пвердыня Гренады,
 Но городъ чумой заражень.

Альманзоръ въ Альпугаръ — и вся оборона
 Съ нимъ рыцарей горсть за спѣшной;
 Но Испанцы вокругъ нихъ развили знамѣна,
 Готовящся къ шпурму съ зарѣй.

На разсвѣтѣ громъ грянулъ... и вмигъ разорвали
 Ограду, засыпали ровъ;
 На верхахъ минареповъ креспы заблнспали
 И замокъ добычей враговъ.

Альманзоръ, окруженный, поспыдно не сдался;
 Узря, что съ нимъ рыцарей пѣшь,
 Онъ межъ копей сквозь войско Испанцевъ
 прорвался
 И скрылъ опъ погони свой слѣдъ.

Учреждастся пиръ на спѣнахъ сокрушенныхъ;
 На гудахъ обломковъ и шѣль,
 Побѣдителн пьютъ; и добычи и плѣнныхъ
 Идуть между ними раздѣль.

Вдругъ является спражъ предъ вождями: до-
 носитъ,
 Что рыцарь чужой имъ открытъ

Хочеть важную тайну предъ всеми, и про-
сипь

Скорѣе допущенымъ быть.

И предсталъ Альманзоръ предъ вождемъ; со-
знается,

Скрывашься не хочеть онъ самъ;

Умоля о жизни, онъ самъ отдается

Своимъ удивленнымъ врагамъ.

»Такъ, Испанцы,« сказалъ онъ: »враговъ у порога
Склоняюсь покорной главой!

Вѣрю вашимъ Пророкамъ и вашего Бога

Я власиь признаю надъ собой.

Пусть по цѣлому свѣту молва разглашается,

Что Царь побѣжденный, Арабъ,

Побѣдителей хочеть бытъ браномъ; желаетъ

Служить ихъ владыкъ, къ съ рабъ.»

Всѣ Испанцы плѣнились высокой душою:

Лишь вождь Альмонзора узнать —

Разпростеръ къ нему руки; и каждый чредою,

Какъ брата, его цѣловать.

Альманзоръ въ изснупленіи всѣхъ обнимаетъ;

Къ вождю вновь бросается самъ —

Обнимаетъ за шею, за руки хватается,

Цѣлуешь, прильнувши къ устамъ.

Вдругъ ослабъ.... Предъ вождемъ на колѣна
упавши,

Онъ бросился снова къ нему,

И безсильный, влачнися за нимъ, привя-
завши

Къ колышамъ Испанца чалму.

И вокругъ озирается.... Всѣ изумились:

Лице все блѣднѣй, все синѣй,

Онъ ужаснаго смѣха устна покривились —

И брызнула кровь изъ очей.

«Чей посоль я? узнайте! прочтите въ семь
взглядъ!

Я блѣденъ.... я слабъ.... почему?

Обмануль васъ, невѣрные!... Былъ я въ Грe-
надѣ.

И привидѣть вамъ нынѣ чуму....

Такъ! съ моимъ поцѣлуемъ ядъ въ душу къ вамъ
влился:

Онъ будешь васъ жечь и терзать;
Присмошрипесь къ мученьямъ: какъ я из-
мѣнился...

Намъ смертью одной умирашь! «

Проспираешь онъ руки... кричишь... Безъ
изъянья

Хотѣлъ бы Испанцевъ онъ всѣхъ
Заковать въ искаженныя смертью объянья;
Смѣешься... Какъ спрашенъ былъ смѣхъ!

Все смѣешься... ужь умеръ — по подъятыхъ
вѣждѣй,

Разкрытыхъ успь смерть не свела;
На лашахъ смѣхъ адскій оспался, какъ
прежде:

Сперешь его смерть не могла.

И объяные страхомъ Испанцы, въ шревогъ
Изъ горъ Альпугары бѣгушь;

И за ними чума — и вездѣ по дорогъ
Тѣлами былъ усланъ ихъ пунь.

Ю. Познанскій.

ПАРТИЗАНКЪ КЛАССИЦИЗМА.

Раздвѣвши пламенной душой,
 Въ холодныхъ недрахъ спѣвъ гранитныхъ,
 Не любить мирный геній твой
 Моихъ стиховъ кровопролитныхъ.
 Тебя еще пугаетъ кровь,
 Тебя еще пугаютъ раны,
 Пока волшебные обманы
 Таятъ отъ глазъ твоихъ любовь.
 Зарей классическаго міра
 Горитъ твой ясный небосклонъ;
 Крылами мрачнаго Шекспира
 Еще онъ не былъ опягченъ.
 Блуждася ты подъ пѣнью свѣта,
 И тучи, шумною грозой,
 Какъ пѣви Банко и Гамлета,
 Не проносились надъ тобой.
 У охраненной колыбели,
 Гдѣ древнихъ вѣсенъ тихій звонъ
 Лелѣешь твой безпечный сонъ,

Громовой пьени не прощати,
 Не паруналиг ею сна
 Судбы шанишвеняныя жрицы;
 Еще незнанья пелена
 Хранишгь спокойныя зьниды.
 Въ садахъ Омира бродитыны
 И безопасно и небрежно,
 Своей рукой срывая пьжио
 Благоуханшыя цвѣты; —
 И кровью пламенной обанный
 Шекенира грознаго кинжалъ,
 Въ цвѣпахъ змѣею ядовинной
 Передъ побою не сверкалъ.
 Подъ тяжкимъ бременемъ кручины,
 Съ своей ашнической долины
 Огнь свѣна, горя, суены,
 Во мракъ гопническаго храма,
 Въ мiръ шанишвеня и омiама
 Еще не убѣгала ны;
 Не знала мукъ ревнивой месени,
 Неpravыхъ жребiя угрозъ;
 Не опирала горькихъ слѣзъ
 Свяшой спираницей Благовѣснiй.

Вся жизнь твоя — волнистый рай;
 Остайся такъ, живи сны доны,
 Въ своей классической лаванды,
 Подъ небомъ Алпшникъ гудай,
 И цвѣтъ небось съ зюврныхъ
 Въ своихъ очахъ лазурныхъ, мирныхъ;
 Ты долго, долго оиражай.
 Подъ охранительной любовью
 Да не сразитъ тебя беда;
 Да не полюбишь никогда
 Монахъ спиховъ, облытыхъ кровью.

С. Швыревъ.

КАПИТАНЪ ХРАБРОВЪ.

ПОВѢСТЬ ВЪ СТИХАХЪ.

Г Л А В А I.

Большой саратовской дорогой
Въ кибиткѣ низенькой, убогой
На родину шазился я,
Въ село, гдѣ въ домикѣ смиренномъ
Жила спарушка мать моя,
И съ сердцемъ часто вкрушеннымъ
Вспоминала обо мнѣ.
Семь лѣтъ я не былъ въ той странѣ,
Семь лѣтъ съ родимой я распался,
Въ походахъ и ераженьяхъ былъ,
Чинъ капитана получилъ
И орденами украшался.

Хошълъ бы я, романпикъ новый,
 Осенній вечеръ описатьъ
 И пономъ жалоспнымъ сказать,
 Какъ въперъ бушевалъ суровый;
 Какъ съ неба дождь ушапомъ лиль
 Какъ въ буркѣ я дрожалъ космапой;
 Но Аполлонъ замысловапой
 Увы! меня не цаградиль
 Таланпомъ Байроновъ чудесныхъ
 И на Руси шеперь извъспныхъ.

Подъѣхаль мой ямщикъ къ рѣкѣ,
 И вошъ паромъ. Тамъ вдалекъ
 Я вижу, огонекъ мелькаешъ;
 » Скорѣй, я закричалъ, друзья!
 Ночлегъ насъ добрый ожидаешъ;
 Я васъ согрѣю, и себя. « —
 Спарикъ съ пльшивой головою,
 Съ съдою длинной бородою,
 Спонишъ на берегу другомъ
 И насъ встрѣчаешъ съ фанарёмъ.
 А дождь все льешъ, и съ мокрымъ снѣгомъ;
 Слуга мой вѣрный Еремѣй
 Въ шпели фризовой свосѣй

Въ домъ къ снарику пустился бѣгомъ,
 А я за нимъ, снарику за мной;
 Почлегу радъ я всей душой.

Мы входимъ въ горницу. На лавкѣ
 Снаруха сгорбившись сидитъ,
 Лучинка передъ ней горитъ;
 Въ ногахъ ея, мальчишка въ шапкѣ
 Играетъ съ кошкою своею. —
 » Снаришка добрая, здорово!
 Согрѣй намъ чайникъ поскорѣй! «
 — Сей часъ, бояре! все готово! —
 И самоваръ уже кипитъ,
 Ромъ на сполъ, я согрѣваюсь;
 Хозяинъ приспально глядитъ,
 Какъ я ко сту пригосовляюсь.
 Мой добрый спутникъ Еремѣй
 Давно храпитъ; онъ спать охотникъ.
 Снарику, снарику и работнику
 Все вышли вонъ. Сверчокъ злодѣй
 Мнѣ скучнымъ крикомъ спать мѣшаетъ;
 Огарекъ салный догараетъ;
 Но какъ заснуть? тамъ сошны крысы
 Возишься, кажешься, дошансы.

Я вдругъ вскочилъ оиъ непрерывно!
 Пошелъ убѣжища некашъ;
 Въ свѣяхъ чуланъ и пашъ кроватъ!
 Вопъ мѣсно для опдохновения;
 Я легъ — и слышу разговоръ:
 У шарика съ женою споръ.
 » Чпо мѣникаешъ? Синунай скорѣе!
 Прѣзжѣе: снѣтъ крѣжкимъ снапъ. «
 — Къ разевѣшу наши прилешашъ:
 Ихъ подожду. Тогда емѣе
 Къ концу мы дѣло приведемъ;
 Пощады нѣтъ! мы ихъ убьемъ! —
 » А гдѣ жъ ямщикъ? « — Оиъ связашъ мною
 П нѣпый на свѣѣ лежипъ. —
 » Ну, какъ все кончипся бѣдою? «
 — Ни слова болѣ! я сердипъ
 П проучипъ себя умѣю. —
 » Я, Климычъ, за себя робѣю. «
 Умолкли. Я пнхонько вешалъ,
 Книжалъ и пнеполены взялъ;
 Сопливый мой слуга проснулся;
 Понли мы ямщика будипъ;
 Насѣзу нашъ бѣдякъ очнулся. —
 » Послушай, насъ хопяпъ убипъ:

Мы у разбойниковъ. Скорѣе
 Коней въ кибитку запрягай;
 Прочь колокольчикъ! Не звай!
 Спасемся ночью мы ввѣрѣе. «
 Гопова пройка. Мы съ большимъ
 Трудомъ вороша отворили;
 Бѣжишь спарикъ, работникъ съ нимъ:
 » Вы насъ, кричащъ, не ускорили!
 Мы здѣсь. Трудненько вамъ спаслись!
 Сммотри же, баринъ, берегись! «
 Башракъ за повода хвапаетъ;
 Хозяинъ съ попоромъ въ рукахъ:
 Занесъ его!... Откинувъ страхъ,
 Я выстрѣлилъ. Опъ упадаетъ.

Мы ускакали. Провидѣнье
 Избавило опъ смерти насъ!
 Вотъ видимъ солнца восхожденье!
 Насшалъ пріятный утра часъ;
 Упихла буря; спадо въ поле
 Шагами тихими идетъ,
 Паспухъ играетъ; дождь не льетъ.
 Хоть птичекъ хоръ не слышатъ боль,

Хоть листь желшвешъ и лепишь:
 Но Божій міръ всегда прекрасенъ!
 Сводъ неба чисшь, и все сулишь,
 Чшо будешъ день хорошъ и ясенъ.

И вопъ село! Прелестный видъ:
 Тамъ на горъ крушой, высокой,
 Великолшпный храмъ споишь;
 Внизу рѣка. По ней широкой
 И длинный мостъ ведешъ въ посадъ.
 Народъ конышешся; въвзжаемъ:
 Опрядъ мы Козаковъ встрѣчамъ
 И слражи внушренней солдашъ;
 Они разбойниковъ поймали.
 Ямщикъ ошановилса мой.
 Къ намъ офицеръ передовой
 Бъжишь... другъ друга мы узнали:
 » Ахъ! эшо ты, Храбровъ! Откуда?
 Не ожидалъ шакого чуда,
 Чшобъ здѣсь увидѣшься съ тобой! «
 — Я ѣду въ оппускъ на покой;
 Готовилса покой мнѣ вѣчный!
 Богъ спасъ меня, мой другъ сердечный! —

Я шептъ ему пересказалъ
 Ночное наше приключенье;
 И чю жь? какое удивленье!
 Онь самыхъ тѣхъ воровъ поймавъ,
 Которыхъ ждалъ шарикъ пленный.
 Романикъ бы краспорѣчивый
 Представилъ кучу шептъ карнивъ;
 Скажу я просю: мы разетались
 И, какъ друзья, поцѣловались.
 » Просни, мой милый Валенинъ! «
 — Просни, Храбровъ! мы повидались;
 Судьбѣ спасибо! Добрый шептъ! —
 Мнѣ нужно было опдохнуть,
 Я ночь не спалъ. На поспояломъ
 Остановились мы дворъ
 И на разоспанномъ ковръ,
 Одѣтый теплымъ одѣяломъ
 Заснулъ я крѣико. Вошь мой сопъ!

Мнѣ чудилось, что на кладбище,
 Умершихъ вѣчное жилище,
 Куда - то я перенесѣнъ;
 Брожу, а вечеръ наспунаеть;

На небѣ молнія сверкаетъ
 И громъ разкашиспо гремитъ;
 Сова хохочетъ, жукъ жужжитъ
 И мысль крылатая летаетъ.
 И что жь? могила предо мной
 Съ ужаснымъ прескомъ разсупилась
 И въ длинномъ саванѣ явилась
 Тѣль блѣдная: меня рукой
 Она холодной обнимаетъ
 » Проститесь я пришла съ побой!
 Смерть лютая насъ разлучаетъ! «
 Сказала: и узналъ я въ ней
 Тѣль пѣжной матери моей!
 Я плакалъ. Сердце пререпсало!
 Громъ грянулъ! — Я проснулся вдругъ!
 Родимая! мой милый другъ!
 Не вѣрю, чтобъ себя не спало!
 Нѣтъ! опъ бѣды избавитъ Богъ!
 Я право обойшисъ не могъ,
 Чтобъ не предспавитъ сповидѣнья;
 Ромашники такого мѣнья,
 Чпо погъ поэтъ не удалецъ;
 Кому не видитсѣ мертвецъ!

Верстѣ десяшь вѣхашь памѣ оспалось.
 Опѣ неперпѣвій казалось,
 Чпо время медленно шекло.
 Вошѣ наша роща и село,
 Вошѣ церковь, прудѣ, садѣ плодовишый,
 Домѣ, черепицю покрывшый,
 Вошѣ конопли и огородѣ;
 Мы подѣвѣжаемъ — я вѣбѣгаю
 И мамѣ спарушку обнимаю
 И цѣлый дѣвокъ хороводѣ.
 Терепшій Карповѣ, дядька мой,
 Служипель пьяный и глухой,
 Съ почпешемѣ руку лобызаетшѣ;
 Федора ключница бѣжитшѣ,
 Опѣ радости на всѣхѣ брюзжитшѣ
 И мамѣ обѣдѣ приготавлиетшѣ.
 » Мой другѣ, Пароешѣ! Богѣ мнѣ велѣль
 Еще увидѣшься съ побою!
 Ты возмужаль, похорошѣль, «
 Сказала мамѣ: » а мнѣ судьбою
 Дочь милая еще дана;
 Ты будь ей брапомѣ! вошѣ она. «
 И вдругѣ я вижу предѣ собою
 Красавицу вѣ шесшнадцашѣ лѣтшѣ:

Въ романахъ Вальперъ-Скопша, Мура,
 Нодье, Викошта д'Арленкура
 Чипали вы ея порпрешъ.
 За споль мы съли: и рубцы
 Намъ подаюшъ, къ нимъ пряженцы,
 Бараній бокъ съ горячей кашей,
 Жаркаго гуся, и пирогъ;
 Но я ѣсть ничего не могъ,
 А любовался все Нашашей.

Въ домъ мапушка ее взяла.
 Ей было девять лѣтъ, не болѣ;
 Священникъ нашего села
 Нашель ее младенцемъ въ полѣ,
 Принесь домой и воскормиль.
 Нашашу попадья любила;
 Но Богъ помощницы лишилъ
 Почтеннаго отца Кирилла.
 Тогда онъ, плача, упросиль,
 Чшо бъ мапушка взяла Нашашу.
 » Богъ наградишь за щедрость вашу! «
 Упавъ къ ногамъ, онъ говорилъ:
 » Теперь живу я одинокой;
 Какъ мнѣ за дѣвочкой смотрѣшь?

Къ тому же, въ спаросни глубокой
И мнѣ не долго умереть! «

Родительница съ восхищеньемъ
Нашашу согласилась взятьъ,
Ее учить и наблюдать
За добрымъ правомъ, поведеньемъ
И сколько можно, утѣшать.
Нашаша многое ужь знала:
Умѣла колпаки вязатьъ,
На гусяхъ пѣсенки брянчать
И полопенца вышивала.
Прошло еще пять или шесть лѣтъ —
Другимъ Нашаша занималась,
И въ длинный шалю корсетъ
Она запрягивать старалась.
Носила кисею, перкаль,
Большія букли завивала,
Свѣтлану наизусть читала.
Лишь одного ей было жаль:
Она не знала по-французски.
Тиранка мода губить насъ:
И даже въ деревняхъ, подь часъ
Никто не говоритъ по-русски.

Наша въ обществахъ бывала,
Но и съ хорошенькимъ лицомъ
Большою часпью все молчала.
Всякъ можетъ согласишься въ шомъ,
Что было ей довольно скучно;
Молчанье съ скукой неразлучно.

Представляю я въ главѣ другой,
Читашель! новыя карпины.
Дошедъ разказа половины,
Я смѣлой напишу рукой
Рядъ цѣлый почекъ...

.
.

И опъ правилъ
Романишниковъ не опспуплю.
Я почки въ повѣспяхъ люблю;
Лордъ Байронъ пысячи ихъ спавлялъ
И подражатели его:
Гиро, Сумепъ, Викшоръ Гюго,
Лишь почками извѣспны спали
И славу за вихоръ поймали.

В. Пушкинъ.

П Р И Т Ч И.

1.

Вы вѣчно въ облакахъ непастья:
Ни въ чемъ не видите добра:
Не пожелаешь ли вамъ несчастья?
Рукою снимешся хаудра!

2.

» Вамъ эгъ книги не по праву? «
Ныпъ, находилъ и я когда-то въ нихъ забаву;
Но сами знаете: смиренный червь
Предчувсвуваетъ Психен окримерь,
Начепетъ сплестать паинстввенную вервь—
И ужъ листокъ ему не въ наслажденье.

3.

» Домъ плача, « говоритъ Эклезіастъ:
» Да предпочтешь, о сынъ мой, дому пира!
Мертвецъ тебѣ премудрость преподастъ:
И ты не вѣчный жишель міра! «

4.

Давно лазурь небесная свѣпла;
 Хлопочеть муравей прудолобивый,
 Сбираетъ медь прилежная пчела:
 А ты доколь нѣжишься, лѣживый?
 Доколь среди роскошной пищины
 Ты ловишь улетающіе сны?

Еще ты часъ поспишь, попомъ ты часъ по-
 дремлешь;

Помомъ подымешься, рукою грудь объемлешь,
 Сядишься.... Но почто же облекла
 Незапная, убійственная блѣдность
 Округлость своего безпечнаго чела?

Кто эта гостья? — Блѣдность
 Къ тебѣ, какъ бодрый пушикъ, припекла.

5.

Домъ создала, на семи столпахъ соорудила пре-
 мудрость;

Жершвы заклала; вино налила въ чаши;
 сама

Цирь угошвила. Чадамъ рекла, рабамъ по-
 велла:

Она заплакала, въ молчаньи
 Въ мои объятія вплесясь,
 Въ мое холодное лобзанье
 Устами жаркими впилась.

Полузакрытая власами,
 Возколыхалась грудь ея;
 Но слезы тихими струями
 Текли, какъ чистыхъ два ручья.

Одну изъ горькихъ слезъ прощанья
 Я поцѣлуемъ уловилъ
 И мшился, ею все спраданья,
 Все чувства дѣвы въ сердце влилъ.

Какія чувства, страсть какая!
 Душою рвуся къ ней, чей спонь,
 Ума твердыни потрясая,
 Гремилъ, какъ погребальный звонъ!

Убилъ я вѣчною разлукой;
 Опъ слезъ померкнули глаза...
 Во мнѣ горитъ ужасной мукой
 Ея прощальная слеза!...

Баронъ Розенъ.

П Ъ С Н Я.

Я пойду косить
На зеленый лугъ:
Ты коса моя,
Коса острая
Не тупися ты
О младу праву.

Не влюбляйся ты,
Сердце бѣдное:
Какъ коса моя
О горьлый пень, —
Горемычное,
Разшибешься ты.

Красны дѣвицы
Перемѣнчивы;
Объщанья ихъ,
Словно ласпочка:
Повѣстникъ весну,
Да и спрячется.

Такъ и дѣвица
Намъ сулишь любовь
И съ нимъ счастье:
Оглянешься ты —
Въ черномъ облакъ
Унеслося все.

Х О Р Ъ.

Намъ, брагъ, пѣснями
Не кормишь коней:
За погодушкой
Скосимъ лугъ скорѣй;
Тамъ пускай - себѣ
Косы тупятся.

Добра молодца
Не уймешь никакъ
Пѣсней жалобной:
Долго будетъ онъ
Поджидать милой
Въ почъ осеннюю.

Александръ Корсакъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Въ Элизіи Василій Тредьяковскій
(Преопрый мужъ, доспойный много хваль)
Съ усердіемъ принялся за журналъ.
Въ сотрудники самъ вызвался Поповскій,
Свои спашьи Елагинъ общалъ;
Кургановъ самъ падъ кришкой хлопочешъ:
Блеснупъ умомъ Письмовникъ слова хочешъ;
И говоряшъ, на дняхъ они начнупъ,
Благословясь, сей прполезный прудъ;
И полько ждепъ Василій Тредьяковскій,
Чпо бъ подоспѣлъ Михайло *..... *)

А. Пушкинъ.

*) Чувствительнo благодаримъ почтеннаго Александра Сергѣевича за сіе извѣстіе, и неперпѣливо ждемъ первой книжки элизейскаго журнала.

ОБОРОТЕНЬ.

»Эпо что за названіе?« скажете, или подумаете вы, любезные мои чипапели (какому авшору чипапели не любезны)! И я, слыша или угадывая вашъ вопросъ, отвѣчаю: что жь дѣлать! виноватъ ли я, что неусыпные мои современники, романпическіе поэты въ стихахъ и въ прозѣ, разобрали уже по рукамъ всѣ другія запѣйливья названія? Корсары, Пираты, Гяуры, Регенаты и даже Вампиры, попеременно одни за другими дѣлали набѣги на чипающее поколѣніе, или при лунномъ свѣтѣ закрадывались въ будуары чувспивительныхъ красавиць. Воображеніе мое шакъ наполнено всѣми эпими

живыми и мершвыми спрашилищами, что я, кажешся, и шеперь слышу за плечами шелканье зубовъ Вампира, или вижу, какъ »опшъ могильнаго бѣлка адскаго глаза Регенашова опдѣляепся кровавый зрачокъ. . . . « Напуганный сими ужасами, я и самъ, хопя въ шушку, вздумалъ было попугашь васъ, М. м. Г. г. ! Но какъ мнѣ въ удѣль не даны ни мрачное воображеніе Лорда Байрона, ни живая киспъ Валпера Скошпа, ни даже скрышучее перо г. д'Арленкура и ему подобныхъ, и сама моя муза шакъ своевольна, что часпо смѣпся сквозь слезы и дрожа опшъ спраха; шо я, повинуюсь свойспвенной полу ея причудливоспи, пущу слѣпо мое воображеніе, куда она его поведешь. Скажу шолько въ оправданіе моего заглавія, что я хопѣлъ васъ подарить чѣмъ-шо *новымъ, небывалымъ*; а рускіе обо-

рошни, сколько помню, до сихъ поръ еще не пугали добрыхъ людей въ книжномъ быту. Я могъ бы вмѣсто обороня придумать чтонибудь другое, или подмѣнишь его какимъ-либо лихимъ разбойникомъ; но все другое новое, какъ я уже имѣлъ честь доложить вамъ, разобрано по рукамъ другими, а въ книжныхъ нашихъ лавкахъ залегли шеперь шакія большія шайки разбойниковъ — не всегда клейменныхъ (покрайней мѣрѣ клеймомъ генія), но всегда печашныхъ, — что если бѣ мыши и моль не соспавили прошивъ ихъ своей Santa Hermandad *), то опъ ихъ не было бѣ жипья порядочнымъ людямъ.

Я думалъ написать это всшупленіе въ видѣ разговора когонибудь

*) Santa Hermandad, слово въ слово: *святое братство*. Такъ назывались въ Испаніи сѣскныя команды Инквизиціи.

изъ моихъ пріятелей съ кѣмъ нибудь изъ моихъ непріятелей, но побоялся, что меня пошчасъ уличашь въ подражаніи; а признаюсь, мнѣ не хошлось бы прослышь подражашелемъ. . . Свое, господа мои сподвижники на поприщѣ бумаги и перьевъ, спанемъ шворить свое! Я хочу вамъ подашь похвальный примѣръ и для шого вывожу на показъ небывалаго рускаго *оборота*.

Въ одномъ селеніи Вы, добрые мои чинапели, вѣрно не спросите, какъ называется это селеніе, въ какой губерніи и въ какомъ уѣздѣ лежишь оно? Удовольствуйшесь же шѣмъ, что я вамъ буду разсказывашь, и не пребуйше ошъ меня лишняго.

И шакъ, дослушайше жь. . . .

Въ одномъ селеніи жишь-бышь спарикъ, по имени Ермолай. Всѣ знали,

что онъ умывается росою, собираешь разные травы, ходя, безпреспанно что-то шепчетъ себѣ въ длинные, сѣдые усы, спишь съ открытыми глазами и пр. и пр. Чего же больше? онъ колдунъ, и злой колдунъ: такъ о немъ шолковало все селеніе. Надобно сказать, что селеніе было разкинуто по опушкѣ большаго, дремучаго лѣса, а изба Ермолаева была на самомъ выгздь, и почти въ лѣсу. Ермолай съ роду не былъ женашь, но лѣпъ за пяи-надцапъ до того времени, въ которое мы съ нимъ знакомимся, взялъ онъ къ себѣ пріемыша, сиропу, котораго всѣ сельскіе креспьяне называли прежде бобылемъ Аршюшей; а пеперь, изъ уваженія ли къ колдуну, или по роспу и дородству самого дѣшины, ешали величапъ Аршюшомъ Ермолаевичемъ: подлиннаго

его опца никшо не зналъ или не помилъ, а и того больше никшо о немъ не забошился.

Аршемъ былъ видный дѣпина: высокъ, полспъ, бѣлъ и румянъ, ну, словомъ, кровь съ молокомъ. И шо сказашь, мудрено ли было колдуну вскормить и выхолишь своего пріе-мыша? Кресъяне были шой вѣры, что колдунъ опшоилъ Аршема молокомъ лешучихъ мышей, что по ночамъ кикиморы чесали ему буйную голову, а нашепшанный маршовскій снѣгъ, кошорымъ спарикъ умывалъ его, придавалъ его лицу бѣлизну и румянецъ. Одного добрые кресъяне не могли добишься: какимъ образомъ спарый Ермолай, шакъ сказашь, переродя Аршема изъ шощаго, блѣднаго мальчишки въ дороднаго и румянаго парня, не научилъ его уму-разуму? ибо Аршюша былъ проспъ,

очень прѣспѣ: молвишь; бывало, что съ дуба сорвешь, до сошпи не сочпешъ безъ ошибки и не всегда бывало впопадъ опвѣшишь, когда у него спросяишь, копорая у него правая рука и копорая лѣвая. Онъ такъ не широко смопрѣлъ большими своими сѣрыми глазами, такъ прѣсподушно развѣшивалъ губы, и такъ смѣшно переплешалъ ногами, когда случалось ему бѣжать, что сельскія дѣвушки подсмѣивали его изъ подпашка и шопомъ говаривали про него: » красень, какъ маковъ цвѣтъ, а глупъ, какъ горѣлой пень. « Въ селеніи прозвали его *вислогубымъ красикомъ*, и все это не вслухъ, а шайкомъ онъ колдуна, пошому что всѣ боялись обидѣшь его въ лицѣ его пріемыша.

И шо однако жь многіе начали смежанъ, что злой спарикъ догады-

ваешся о насмѣшкахъ поселянъ надъ его нареченнымъ сыномъ. Въ селеніи вдругъ началъ пропадать мѣлкій рогащій скотъ: у того изъ поселянъ не явился пары овецъ, у другого шрехъ или чепырехъ козъ, у шрешьяго пропадутъ всѣ ягнята. Паспухи не разъ видали, какъ изъ лѣсу вдругъ выбѣжитъ большой, пребольшой волкъ, схватитъ одну или пару овецъ, списнетъ имъ горло зубами, взброситъ ихъ къ себѣ на спину — и былъ шаковъ: мигомъ умчинтъ ихъ къ лѣсу. Сколько ни кричи, ни шюкай — онъ и ухомъ не ведетъ; сколько ни шрави собаками: онъ поплешутся прочь, поджавъ хвосты, и робко озираются назадъ. Крестьяне пошчасъ взяли догадку, что это не проспой волкъ, а оборощень; вслѣдъ же за этою догадкою пришла къ нимъ и другая: что этошъ оборощень не

иной кшо, какъ самъ Ермолай Парфеншьевичъ.

Дѣлать было нечего. Всѣ боялись колдуна, хопя, сказаць правду, до сихъ поръ онъ не дѣлалъ еще никакого зла селенію; но все таки онъ былъ колдунъ. Жаловаться на него — у кого найдешь разправу, когда и самъ священникъ опрекался закласьи его? Самимъ его доконаць — грѣшно, хопь онъ и колдунъ; припомъ же эпи дѣла шакъ пахнуць шорговой казнью и ссылкой, что у всякаго невольно руки опускашся. Да и кшо знаешъ, что послѣ смерти не спашеть онъ приходиць изъ могилы мершвецомъ и душишь уже не овецъ, а людей, которые озлобили бы его преждевременнымъ опправленіемъ на шопъ свѣшь? Какъ ни разкладывали креспьяне умомъ, сколько ни шолковали на мірской сходкѣ, а все

дѣло не клеилось. Пришлось имъ спать въ шушкѣ, горевашь, закуся губы, да молиться Святымъ Угодникамъ за себя и за спода свои.

Въ селеніи этомъ жила красная дѣвушка, Акулина Тимоѣевна. Лице у нея было, что наливное яблочко, очи соколиныя, брови соболиныя — словомъ, она уредилась со всѣми достоинствами и приманками красавиць, о которыхъ перешли къ намъ достоверныя преданія въ старинныхъ русскихъ пѣсняхъ и сказкахъ. Одна она никогда не смѣялась надъ враснакомъ Артюшей, а напрошивъ много еще заступалась за него между своими подругами и увѣряла ихъ, что онъ дѣтина, хоть куда. Лукавая дѣвушка смекнула, что шарикъ Ермолай очень богатъ и очень шаръ, что жить ему на свѣтѣ осмывалось недолго и что послѣ него един-

спивеннымъ наслѣдникомъ его имѣнія долженъ бышь Аршемъ Ермоласвичъ. Она шакъ умильно поглядывала на Аршема, шакъ ласково говорила ему, вспрѣчаясь: »здравспвуй, добрый молодець! « чшо Аршемъ, какъ ни былъ проспъ, а все замѣпилъ ея привѣпливоспъ. Часпо онъ, избочась и высшупая тоголемъ, подходилъ къ ней и заводилъ съ нею рѣчи — грѣхъ сказапъ: умныя, а шакія, кошорыя видно нравились красавицѣ и на кошорыя она охотно опвѣчала. Короче: Акулина Тимоеевна скоро заслужила всю довѣренноспъ нелюдима Аршюни: онъ еще чаще спалъ подходилъ къ ней, облизываясь и съ глупымъ смѣхомъ выкрикивая: »здорово, Акуля! « опвѣшивалъ ей дружескій ударъ шяжелюю своею ладонью по бѣлому, круглому плечу и шаялъ предъ ною. . . . Да, шаялъ, въ пол-

номъ смыслѣ слова, попому чшо щеки его дѣлались еще краснѣе, глаза еще мушнѣе и глупѣе, а багровыя губы никакъ уже не сходились между собою и спановились часъ ошъ часу полще, часъ ошъ часу влажнѣе, какъ вишня, размокшая въ винѣ. Дѣвушка спала уже не шупя подумываешь, какъ бы ей приспроишься: шо еспь, съ помощію обручальнаго кольца, да чеснаго вѣнца, прибравъ къ рукамъ и Артема и будущіе его пожипки.

Къ ней - шо наконецъ смышленные крестьяне обратились съ просьбою, помочь ихъ горю. »Ты-де, Акулина Тимоѣевна, въ селѣ у насъ умный человекъ; а намъ вѣсшимо, чшо благопріятель пвой Артемъ Ермолаевичъ съ неба звѣздъ не хватаешъ, хопъ и слывешъ сыномъ шакого человекъ, у котораго въ сѣдой бородѣ много художества. Порадѣй намъ, а мы шебѣ

за то, чѣмъ по силамъ, поклонимся. Одной только милоспи. у себя и просимъ: какъ бы досконально провѣдать, подлинной ли-по волкъ душии нашихъ овецъ, или это — не въ нашу мѣру будь сказано — Ермолай Парфенпьевичъ оборопнемъ надъ нами попѣшается? « Акулина Тимоѣевна молчала нѣсколько времени, покачивая въ раздумьѣ головушкой: съ одной спороны боялась она прогнѣвши колдуна, копорый знаетъ всю подноготную; съ другой спороны манили ее подарки а квокъ подаркамъ не лакомъ? Спросише у спряпчихъ, спросише у судей, спросише у шого и другаго (не хочу называшъ всѣхъ поимянно): всякой, если не словами, пакъ взглядомъ припомнишъ вамъ спарую пословицу: *кто Богу не грѣшитъ, Царю не виноватъ!* » И Акулина Ти-

моевна была въ эпомъ смѣлѣ, ежели не закоснѣлоу грѣшницей, по крайней мѣрѣ не совсѣмъ чиста совѣстью. Она подумала, подумала — и дала креспьянамъ обѣщаніе, похлопаша обѣ ихъ дѣлѣ.

На другой день, встрѣпясь съ Арпемомъ, больше прежняго была она съ нимъ привѣплива и ласкова, и больше прежняго шаялѣ бѣдный Арпемъ: щеки его шакъ и пылали, губы шакъ и пухли. Умильно попрепавъ его по щекѣ полненькими своими пальчиками, плуновка сказала ему:

— » Арпюша, свѣпникъ мой! молвила бы я шебѣ словцо, да боюсь: спарикъ швой насѣ подмѣпипгъ. Гдѣ онъ шеперь?

— » А кшо его вѣспь! Бродипгъ себѣ по лѣсу, словно лѣпий, да шово - вона, чай дерепгъ лыкана зиму.

— » Скажи, пожалуйста: ты ничего за нимъ не примѣчаешь?

— » Вонъ-ше Богъ, ничего.

— » А люди и невѣсть что прубянь про него: что будто бы онъ колдунъ, что бѣгаетъ оборотнемъ по лѣсу, да изводитъ овецъ въ окошки.

— » Полно, моя ненаглядная: инда мнѣ жудко опъ твоихъ рѣчей.

— » Послушай меня, соколъ мой лениый: вѣдь тебя не убудешь, когда ты присмотришь за нимъ, да скажешь мнѣ послѣ, правда ли, нѣтъ ли, вся ша молва, копорая идетъ о немъ по селу. Спарикъ тебя любишь, такъ на тебя и не вскинешся.

— » Не убудешь меня! да что же мнѣ прибудешь?

— » А то, что я еще больше спанулюбилъ тебя, выйду за тебя за мужъ и тогда заживемъ пригваючи.

— » Ой ли? да что же мнѣ дѣ-
лашь - по?

— » А вошь что: не поспи ты
ночь, да примѣчай, что спарый пвой
спанешъ кудесишь. Куда онъ, шуда
и ты за нимъ; пришайсь гдѣ нибудь
въ углу или за кустомъ и все вы-
смапривай. Послѣ расскажешь мнѣ,
что увидишь.

— » Ахши! спрашно! Да еще и
ночью. А когда же спашь - по буду?

— » Выспишься послѣ. За по ужь,
какъ женою швоею буду, ты, мой
голубчикъ, будешь спашь въ волю.
Тебя не пошлюшь погда ни дрова
рубишь, ни воду шаскашь: все я за
шебя; а ты себѣ пожалуй повали-
вайся на печи, да покушивай гошное.

— » Ладно! будь по швоему: спа-
ну приглядывашь за моимъ спари-
комъ. Да скажи, онъ мнѣ бока - по
не оплотишь?

— » Не бойся ничего: онъ не узнаешъ; а какова не мѣра, такъ я сама принесу ему повинную и скажу, что тебя научала.

— » Ну, по-то, смопри же! чуръ не выдавашь меня.

— » И, спашимо ли дѣло! прощай же, дружечекъ.

— » Инъ прощай, моя любушка! «

При всей своей проснопѣ, Аршемъ не вовсе былъ прусъ: онъ уважалъ и боялся названнаго своего опца, а впрочемъ, по слабоумію ли, по врожденной ли опвагѣ, не могъ себѣ составить понятія о спрахахъ сверхъ - еспешивенныхъ. Моженъ бытъ и спарикъ, воспитывая его въ счасливомъ невѣжеспвѣ, спарался удалять опъ него всякую мысль о колдунахъ, недобрыхъ духахъ и обо всемъ шому подобномъ, что бы не внушилъ ему какихъ ли-

бо подозрѣній на свой счетъ и не заспавишь его замѣчать того, въ чемъ нужно было опъ него паидься.

Паспупила ночь. Аршемъ, по обыкновенію, легъ рано въ постелю, укушался съ головою; но не спалъ и прислушивался, спишь ли спарикъ. Съ вечера было темно; спарикъ вочался въ постелъ и бормошалъ что-то себѣ подъ носъ; но когда взошелъ мѣсяць, тогда Ермолай вспалъ, одѣлся; взялъ съ собою какую-то вещь изъ сундука, споявшаго у него въ изголовьѣ, и вышелъ изъ избы, не скрыпнувъ дверью. Мигомъ Аршемъ былъ то же на ногахъ, накинулъ на себя балахонъ и вышелъ также тихо. Припаясь въ сѣняхъ, онъ выглядывалъ, куда пошелъ спарикъ, и видя, что онъ отправился къ лѣсу, пустился вслѣдъ за нимъ, но такъ, что бы всегда

бышь въ шѣни Такъ-то и самый просподушный человекъ имѣеть на свою долю нѣкошорый участокъ природной шонкоспи и употребляетъ его въ дѣло, когда нужно ему провеспи другаго, кшо его посильнѣе или похипрѣе. Но довольно о шонкоспи проспаковъ: посмопримъ, что - то дѣлаеть нашъ Аршемъ.

Лѣпясь вдоль забора, прокрадываясь позадь кустовъ и въ случаѣ нужды, ползучи по правѣ, какъ ящерица, успѣлъ онъ пробрашья за спарикомъ въ самую чащу лѣса. Середь этой чащи лежала поляна, а середь поляны споялъ осиновый пенъ, вышиною почши впол-человѣка. Къ нему-то пошелъ спарый колдунъ, и вошь что видѣлъ Аршемъ изъ своей засады, кшорую служили ему самые близкіе къ полянѣ кусты орѣшника.

Лучи мѣсяца упали на самый срубъ осиноваго пня, и Аршему казалось, что срубъ этакъ събѣлся и свѣнился, какъ серебряный. Спарикъ Ермолай прижды обошелъ пнихо вокругъ пня и при каждомъ обходѣ бормошалъ вполголоса такой заговоръ: »На морѣ Океанѣ, на островѣ Буянѣ, на полой полянѣ, свѣшивъ мѣсяцъ на осиновъ вѣтвь: около того пня ходишь волкъ мохнатый, на зубахъ у него весь скопъ рогатый. Мѣсяцъ, мѣсяцъ, золотые рожки! расплавъ пули, припуши ножи, измочаль дубины, напусти спрахъ на звѣря и на челоуѣка, чшобъ они сѣраго волка не брали и шенлой бы съ него шкуры не драли.« Ночь была такъ тиха, что Аршемъ ясно слышалъ каждое слово. Послѣ этого заговора, спарый колдунъ спавъ лицомъ къ мѣсяцу и

вопикнувъ въ самую сердцевину пня небольшой ножикъ съ мѣднымъ черенкомъ, перекинулся чрезъ него прижды такимъ образомъ, что бы въ преній разъ унаспь головою въ шу спорону, откуда свѣпилъ мѣсяць. Едва кувырнулся онъ въ преній разъ, вдругъ Аршемъ видипь: спарика не спало, а намѣсто его очутился спрашный сѣрый волчище. Злой эпопъ звѣрь поднялъ голову вверхъ, поглядѣлъ на мѣсяць кровавыми своими глазами, обнюхалъ воздухъ во всѣ чешыре спороны, завывъ грознымъ голосомъ и пуспила бѣжапъ вонъ изъ лѣсу, такъ, что скоро и слѣдъ его проспылъ.

Во все это время, Аршемъ дрожалъ отъ спраха, какъ осиновый листъ. Зубы его такъ часно и такъ крѣпко спучали одни о другіе, что

на нихъ можно бѣ было изломочъ чешверикъ гречневой крупы; а губы его, впервые можешь бышь оиъ рожденія, сошлись вмѣспѣ, сжались и посинѣли. Но уходѣ обороння, оиъ однако жь, хошя и не скоро, оправился и ободрился. Проспоша, говоряшь, хуже воровспва: эио не всегда правда. Умный человекъ, на мѣспѣ нашего Аршема, бѣжалъ бы безъ оглядки изъ лѣсу, и другу и недругу заказалъ бы подмѣчашъ за колдунами; а нашъ Аршемъ сдѣмалъ, если не умнѣе, то смѣлѣе, какъ мы сей часъ увидимъ. Оиъ подошелъ къ пню, призадумался, почесалъ буйную свою голову — и послѣ давай обходишь около пня и швердишь то, чю слышалъ передъ симъ оиъ спараго колдуна. Мало эшого: оиъ спалъ лицемъ къ мѣсяцу, прижды кувырнулся че-

резъ ножикъ съ мѣтнымъ черенкомъ. и за прѣшымъ разомъ, глядь — вошь онъ спюишь на чешверенькахъ, рыло у него вышинулось впередъ, балахонъ сдѣлался длинною, пушистою шерстью, а заднія помы выросли въ мохнатый хвостъ, конкорый шащи-ся, какъ мешла. Дивясь шакой скорой перемѣнѣ своего подобья и планья, онъ попробоваль молвишь слово — что же? вмѣсто человѣчьего голоса, завылъ волкомъ; попышался бѣжашь — новое чудо! уже ноги его не цыплялись, какъ бывало прежде, другъ за друга.

Новый оборонень не могъ говоришь, но не лишился способности разсуждашь, шо ешь, спюлько, сколько онъ обыкновенно разсуждалъ въ человѣческомъ своемъ видѣ. Мишь, признашься, никогда не случалось

слышавъ, что бы оборонни, въ волчьей шкурѣ, сивановилнсь умнѣе прежняго. Вошь нашъ Аршемъ оснано-вился и призадумался, какъ ему упо-пребинь въ вользу и удовольснвіе новую свою личину? Тупнъ ему при-шла мысль, доспойная того, въ чьей гбловѣ она зародилась: онъ всномнилъ, какъ часто молодые нарни ихъ се-ленія надъ нимъ смѣивались. » Давай-ка, « думаль онъ, » посмѣюсь и я надъ ними: пойдю упронъ въ селеніе и епану бросанься на всякаго какъ же эни удалыцы будутъ меня бояшься! Однако жь прежде пошв-паюсь-ка выспапьяся: въ эпой шубѣ мнѣ будепь и шенло и мятко даже на сырой правѣ « Вздумано — сдѣлано: нашъ Аршемъ, или оборо-нень, забрался снова въ куены орѣш-ника, легъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Долго ли спалъ онъ, не знаю на-
вѣрное; только солнце было уже
очень высоко, когда онъ пробудился.
Онъ вскрикнулъ, посмотрѣлъ на
себя, и новый его нарядъ при днев-
номъ свѣтѣ такъ показался ему за-
бавень, что смѣхъ его проиялъ: онъ
хотѣлъ захохотать — но вмѣсто
хохота раздался такой пронзитель-
ный, опривисшый волчій вой, что
бѣдный Аршемъ самъ его пзжугался.
Почему опомиясь и видя, что онъ
пугается собственнаго смѣха, онъ
захохоталъ еще сильнѣе прежняго и
еще громче и пронзительнѣе раздал-
ся вой. Нечего дѣлать: какъ ни смѣш-
но ему было, а поневолѣ должно бы-
ло удерживаться, что бъ не оглу-
шить самага себя. Тупъ онъ вѣсом-
нилъ о вчерашнемъ своемъ намѣреніи —
попѣвши надъ своими сверсн-

никами, молодыми сельскими пар-
 нями. Вошь онъ и пошелъ къ селе-
 нію. Дорогою попадались ему крестья-
 яне, ѣхавшіе въ поле на работу;
 каждый изъ нихъ, завидя издали смѣ-
 лаго, необыкновенной величины волка,
 никакъ не подозревалъ, что бы эню
 былъ протакъ Артемъ: всѣ думали,
 что эню былъ точно оборотень; —
 только отецъ его, старый колдунъ
 Ермолай. Онъ шото каждый крестья-
 нинъ, закрывалъ себѣ глаза руками
 и говорилъ: *чуръ мейл: чуръ мейл!*
 Эню еще и больше веселило протак-
 душнаго Артема, еще больше под-
 жигало его иппи въ селеніе; никог-
 да, никшо его сполько не боялся,
 какъ шеверъ: какая радость! Да
 шо ли еще будетъ въ селеніи? какъ
 всѣ всолошались, крикнуть: волкъ!
 спануть его шравить собаками,

усякашь, шюкашь, соберушя на него съ кольями и рогашинами, а онъ и ухомъ не будешъ веспи: его ни дубина, ни желъзо, ни пуля не возьмешъ и собаки бояшя То-шо пошъха!

И въ самомъ дѣлѣ, все селеніе поднялось на *спраго забіяку*. Сперва вспрѣчные бѣжали ошъ него, креспьянки поскорѣе заперли овецъ и козъ своихъ въ хлѣва, а сами запрягались въ подушки: всѣ знали, что шо былъ не проспой волкъ. Скоро однако жъ нашлись удалцы, крикнули по селенію, что одинъ конецъ долженъ бышъ съ спарымъ колдуномъ, и повалили полною: кто съ дубиной, кто съ попоромъ, кто съ засовомъ — обшупили волка и давай нападать на него. Сначала онъ храбрился, бросался шо на шого, шо

на другаго, щепинился, скапиль зубы и щелкаль ими; но наконецъ робость его одолѣла: онъ зналь, что въ силу заговора, его не убьютъ и даже не наколошятъ ему боковъ; но могутъ оццнапъ на немъ шерспъ, оборвапъ хвоспъ, и тогда — какъ онъ явишся къ строгому своему ошцу въ разодраномъ балахонѣ и съ опорванными полами? Бѣда!

Правда, не нашлось еще смѣльчака, который бы вышелъ съ нимъ перевѣдаться: всѣ уськали, кричали только издали, а ни одинъ не подавался впередъ. Собакъ же и вовсе не могли скликапъ; онѣ разбрелись по канурамъ и носовъ не выказывали. За то люди всѣ спояли въ кругу и прорвапъсквозь нихъ никакъ нельзя было. Еще новое горе бѣдному нашему оборонню: онъ ничего не бѣлъ

онъ самаго вечера и желудокъ его громко жаловался на пусшону. Какъ бышь? и кто поручился, что ошець его уже не въ селеніи и не узнаешь о его проказахъ? Ахши! вопъ до чего доводишь безразсудство! онъ и забылъ посмотрѣшь, какимъ образомъ ошець его получилъ свой человѣскій видъ! Ну, прійдется горюну Аршему умереть съ голоду, или изчакнушь съ шоски - кручины въ волчьей кожѣ. . . . Онъ задрожалъ всѣми чепырьмя ногами, уваль, свернулся въ комокъ и уключилъ голову промежъ переднихъ лапъ.

Крестьяне разсуждали, что имъ дѣлать съ оборонемъ: зарышь ли его живаго въ яму, или связать и предспавить въ волосшное правленіе? Въ это время слухъ о прусоскии обороня разнесся уже по селенію

и женщины отважились показаться на улицѣ. Одна дѣвушка пришла даже къ кругу, соснавленному крѣстьянами около мнимато волка: эта смѣлая дѣвушка была Акулина Тимоѣевна. Она тотчасъ смекнула дѣло, просила крѣстьянъ разсунушася, вошла въ кругъ и повела такую умную рѣчь :

» Добрые люди! не дразните врата, когда онъ самъ, какъ видно, оснавленъ слово на миръ. Смершью обороня вы добра себѣ немного сдѣлаше, а худа не оберешесь; въ судахъ же, я слыхала, такъ водится, что и оборонень съ деньгами оправится почище всякаго честнаго бѣдняка. Послушайте меня: разойдитесь съ Богомъ по домамъ, а этого обороня я поведу къ себѣ и ручаюсь вамъ, что вамъ же онъ того будетъ лучше.»

«Всѣ крестьяне слушали въ оба уха и дивились уму - разуму красной дѣвицы. Цикно изъ нихъ не придумалъ умѣе того, что она говорила: они послушались ея рѣчей и разошлись въ разные стороны. Тутъ она вымела изъ косы своей цѣшную ленну и подошла къ оборонни, который въ это время пошнулся и самъ вышянулъ шею, какъ будто бы зналъ, что зашѣвала дѣвушка.

Акулина Тимоеевна обвязала ему ленну вокругъ шеи и повела его къ себѣ въ домъ. По простотѣ и робости обороння, она тотчасъ опгадала, кто онъ таковъ. Введя его въ пусную клѣнь, она накормила его, чѣмъ могла и послала ему въ углу свѣжей соломы; потомъ начала его журишь за безразсудную его неоспороженость. Бѣдный Артемъ жал-

кимъ и вмѣстѣ смѣшнымъ образомъ сморщилъ волчье свое рыло, слезы капали изъ мушно-красныхъ его глазъ и онъ вѣрно бы заревѣлъ, какъ малый ребенокъ, если бы не побоялся завыванъ по-волчьи и снова возбужденъ всю деревню. Дѣвушка заперла его замкомъ въ клѣткѣ и оставила его опцдыханъ и гореванъ на свободѣ.

Вечеромъ, Акулина Тимоѣевна пошла къ сварнику Ермолаю, винулась ему въ ноги, рассказала ему, что сама знала и сняла всю вину на себя. Старый колдунъ уже зналъ обо всемъ, сердился на Аршема и пвердилъ: » нишню ему, пусть - ка погуляеть въ волчьей кожѣ! « По просьбы и слезы печальной красавицы были шакъ убѣдительны и краснорѣчивы, что шарикъ и самъ почини онъ ихъ разщаялъ. Онъ зашкнулъ за поясъ

извѣстивъ уже намъ пожиткѣ съ мѣднѣнымъ черенкомъ, взявъ жестяной фанарикъ подъ полу и пошелъ съ дѣвучкой. Вошедши въ каѣнь, прежде всего порядкомъ выдралъ уши мнимому волку, котораго въ это время дѣлалъ шакія кривлянья, какихъ ни звѣрю; ни человѣку не удавалось никогда дѣлать, и вылъ шакъ звонко и пронзительно, чмо чунь не оглушилъ и спарика, и дѣвучку, и всю деревню. Вслѣдъ за симъ наказаніемъ, колдунъ обошелъ прижды около оборотня и чмо-чмо шепталъ себѣ подъ носъ; попомъ разпянулъ его на всѣ чешыре лапы и колдовскимъ своимъ пожиткомъ прорѣзалъ у него кожу накреснѣ, оипъ запылка до хвоста и впоперекъ спины. Разпоротый балахонъ упалъ на солому, и въ тошъ же мигъ Аршемъ вско-

чилъ на ноги, съ открытымъ своимъ рпомъ, просподуцинымъ взглядомъ и очень, очень красными ущами. Ошряхнувшись и попершись плечами о сибну, онъ со всѣхъ ногъ повалился на землю передъ нареченнымъ своимъ опцемъ и всхланнывая, кричалъ жалкимъ голосомъ: »виновашъ, банюшка! просни.« Спарикъ опчески пошазалъ его снова, пожурилъ — да и проснилъ.

Акулина Тимошевна очень полюбилась спарому Ермолаю: онъ замѣтилъ въ ней природный умъ и различь въ мысляхъ, чшо лучше всего дань шакую умную жену его прѣмышу, кошорый, послѣ его смѣрни, живучи съ нею, покрайней мѣрѣ не разиралишъ шого, чшо спарому сребролюбнѣу досналось шакою дородою цѣною — шо еспь, накошден-

ныхъ имъ за грѣхи свои червончиковъ и рублевичковъ.

Короче: дня черезъ три вся деревня пировала на свадьбѣ Аршема Ермолаевича съ Акулиной Тимофеевной; и хотя все знали, что шарикъ Ермолайъ злой колдунъ, но отъ пьяной его брати и сладкаго меду немногіе онказывались. Скоро послѣ того, Ермолайъ продалъ свою избу и поле, и перешелъ вмѣстѣ съ молодыми, названнымъ сыномъ и невѣсткою, въ какую-то дальнюю деревню, гдѣ до полѣ и слыхомъ про него не слышали. Сказываютъ, что онъ провелъ остальные годы своей жизни честно и смирно, дѣлалъ добро и помогалъ бѣднымъ; за то умеръ тихо и похороненъ, какъ добрый, на кладбищѣ съ прочею усопшею братіей. Сказываютъ также, что Аршемъ,

поживъ нѣсколько лѣтъ съ умною и смѣшливою женою, сдѣлался вполнину меньше прежняго проситъ, и даже въ спешенныхъ лѣтахъ былъ выбранъ въ сельскіе старосты. Какое онъ судилъ - рядилъ, не знаю; а только въ деревнѣ всѣ въ одинъ голосъ шрублили, что Акулина Тимоевна была чельшко изо всѣхъ умныхъ бабъ.

Э п и л о г ъ.

Многіе шой вѣры, что послѣ всякой сказки, басни или побасенки, должно непременно слѣдовать нравоученіе; что всякое повѣспованіе должно имѣть нравспвенную цѣль и что все печатное должно служить для общества самымъ спасительнымъ аншидопомъ отъ пороковъ. Какъ

вы думаете объ этомъ, любезные мои читатели, и какое правоученіе при- судите мнѣ прибравъ къ этой истинной, или по крайней мѣрѣ, очень правдоподобной повѣсти? Что до меня касается — я ничего не умѣю къ ней придумать, кромѣ слѣдующаго наставленія: *что тотъ, у кого нѣтъ воли поведки, не долженъ истрягаться волкомъ*. Правоученіе близкое и ясное, и кажется — если впрочемъ самолюбіе меня не обманываетъ, — оно ничѣмъ не хуже того, которое покойникъ Ломоносовъ, въчюно-лирической памяти, прибравъ къ своей баснѣ: *Волкъ пастухъ* *).

О. Соловь.

*) »И басню всю короткимъ шолкомъ
Хочу вамъ, господа, сказать:
Кто въ свѣтъ сѣмь родился волкомъ,
Тому лисицей не бывашь.»

КЪ

Напрасно ты печаль твою скрываешь:
 Я разгадалъ поску души твоей.
 Какъ?... на зарѣ твоихъ весеннихъ дней
 Ты бѣдствія предчувствовать дерзасшь?
 Взойдетъ ли день на небѣ голубомъ,
 Иль неба сводъ ночная мгла одѣнеть,
 Не перепади: бѣда тебя крыломъ
 Въ губительномъ полетѣ не задѣнетъ.
 Вѣнчай главу и дѣвственную грудь
 Красой тебя подобными цвѣтами;
 Вѣдь юносишь пиръ, намъ данный небесами:
 На семь пиру веселой гостьюей будь.
 Ты радости считай своимъ доходомъ,
 Печаль же не вѣдай въ жизнь свою:
 Брось взоръ на нихъ скользящій мимоходомъ,
 Но сердцемъ вѣрь блаженства бытію.
 Живи, чужда томительныхъ сомнѣній;
 Но чувствами не бывъ: съ разсудкомъ врозь,

Ты холодомъ суровыхъ размышлений
 Надежды въпывъ въ цвѣту не заморозь.
 О милая! веселыми глазами
 Зари швоей веселый встрѣшь возходъ;
 Не плачь.... А по несчастіе прійдѣтъ,
 Когда его пакличешь шы слезамъ.

В. Щастный.

В Ъ Т Е Р Ъ.

Слышу спонъ швой, въперъ бурный,
 Твой унылый, дикій вой:
 Тьмой неспашной сводъ лазурный,
 Чернымъ саваномъ покрой!

Пусть лѣса, холмы и доли
 Огласитъ швой шумный зыкъ!
 Вящны мнѣ швои глаголы,
 Мнѣ поняшенъ швой языкъ.

Изъ пемпицы безотрадной
 Преклоняю жадный слухъ ;
 За побою, въперъ хладной,
 Рвешся мой плъпняный духъ.

Въперъ! въперъ! за побою
 Въ несобъяпной вышнй
 Надъ печальной пьмой земною
 Въ даль бы понеспнся мнъ!

Бьмъ бы воздухъ — одьянье,
 Спонъ — глухой, пропяжный громъ,
 Клики — бурей завыванье,
 Небо — мой проспранный домъ!

Облепъль бы кругъ вселенны;
 Только тамъ бы ондохнулъ,
 Гдѣ родимыхъ гласъ безцвнный
 Повторяетъ сладкй гуль!

Среди свѣплой, лѣпней пощи
 Я мелькнулъ бы въ ихъ очахъ
 Между дрѣвъ шой тайной рощи,
 Гдѣ опца ихъ пязетъ прахъ;

Къ милымъ я простеръ бы руки,
Улыбнулся бы, — исчезъ:
Но знакомой лиры звуки
Потрясли бы тихій лѣсъ!

ЛЮБОВЬ УЗНИКА.

Подашель счастья и мученья!
Тебя ли я встрѣчаю вновь?
И даже въ узахъ заоченья
Ты обрѣла меня, любовь!

Увы! почто твои привѣтны?
Къ чему улыбка мнѣ твоя?
Свѣпиломъ ли твоимъ согрѣшнѣй
Воскресну вновь для жизни я?

Нѣтъ! минула пора мечтаний,
Пора надежды и любви:
Отъ мраза лютаго страданій
Хладѣеть шокъ моей крови.

Для узника ли, взоровъ спрашпныхъ
 Воспоргъ и блескъ и шемнопа?
 Погаснешь лучь въ парахъ ненаспныхъ:
 Забудь спрадальца, красона!

ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ.

Давно ль, давно ль кристалль звѣщаль,
 Какъ мы за здравье друга шли?
 Давно ль, въ вѣнкѣ изъ розъ и лилій,
 Ты пѣсни радостныя пѣлъ?
 Давно ль цвѣла, подобно маю,
 Любовь при имени швоёмъ? . . .
 И что жь? съ уныніемъ чишаю
 Его на камнѣ гробовомъ.
 Еще сосуда наслажденья
 Касались жадныя уста,
 И предъ побой свои видѣнья
 Смѣяла рѣзвал мечша;

Еще рукою прихошливой
Ласкалъ подругу сердца ны,
А смерти гсшй молчаливый
Уже спускался съ вышины....
И вдругъ, подъ свнью черныхъ крылй,
Въ очахъ зашмился свѣпъ дневной...
И палъ вънокъ изъ розъ и лилй
Съ главы счастливица молодой!

А. К.

ВЪЩЕНОСНОЮ СТРАДАЛИЦЮ.

Земнаго Ангела въ небснаго я зрю
Прображеніе свнше....
Въ воснокъ упро роковос....
Онъ воспаритъ гошовъ въ безмерпную зарю!
Еще Онъ медлицъ... нѣжно руки
Къ Супругъ плачущей простѣръ,
И молніей любви пылаецъ смерпный взоръ,
И на часахъ любви ударилъ часъ разлуки!

Видѣньскрылось... пучь спускался долумракъ

И сплались слезные туманы,

Срослись въ зыбучіе курганы —

Опшедшаго Царя блеснулъ парящій зракъ!

Зажглося солнце горней славы...

Туманы, пучи — все кругомъ

Мнѣ зрися въ радугахъ и блескъ золопомъ —

До неба памятникъ воздвигелъ величавый!

Надгробный ль памятникъ чудесный сей пре-
споль?

Ступени пламенно - злая —

Великольпная мусія

Изъ славныхъ Царскихъ дѣлъ! и вѣчности
глаголь:

» Великій! « землю потрясаешь;

И мірь: » ахъ! Александра гвѣть! «

Сердечными вопишь рыданьями въ отвѣтъ,

И слезы пихія Супруга проливаешь.

Ты, Ввицепосная Спрадалица, съдишь

Среди нагробнаго сіянья,

Предметъ любви и состраданья,

Елисавета! Ты къ *Нему* горѣ глядишь,

Къ *Нему*, вдовица Серафима!

О, сколь печаль Твоя свята!

Мы чувствуемъ, увы: Ты въ міръ сирота,
Хоть милліонами Ты пламенно любима!

Земнымъ ли воздухомъ Ты дышишь между насъ,

Иль неба вѣяніемъ сладкимъ?

Иль духомъ Ты, опъ вздоховъ шапкимъ,

Опъ праха воспаришь голова каждый часъ!

Уже душою лучезарной

Озарена и плоть Твоя....

Пожертвуй мигомъ намъ послѣднимъ бытія,

Любовный слушай стонъ ошчизны благо-
дарной!

Сосраждущихъ Тебъ и плачущихъ съ Тобой

Невижно спонепъ ликъ народный!

Но пѣсню вняпной и свободной

Во имя всѣхъ, Тебъ я гимнъ сердцеъ живой,

Кипучій гимнъ благодаренья,

Громовый гимнъ про жизнь Твою,

Съ иренещущей отъ бурь душою воспую...

Що спрунамъ лѣтается огнь и пламень вдохно-
венья!

Я помню, дивный слухъ межъ насъ когда-то
шелъ :

» Земли Царица — Добродѣшель! «

И Ты — весь мiръ пому свидѣтель —
Оправдываешь Ты завѣщанный сей глаголь!

Добра божественная жрица,
Невинной, скромною, прямой,

Какъ пламень жершвенный, чистѣйшею душой
И сердцемъ ангельскимъ — Ты всѣмъ, Ты
всѣмъ Царица!

Ты, бѣдныхъ и сиротъ чувствительная Мать,
Небесный другъ родному краю!

Провозгласишь я всѣмъ дерзаю:

Ты Божія въ земномъ явленьи благодашь!
Съ свяшой благодѣянiй чашей:

Въ покровахъ шайль по Руси шла...

Очей не отвращай: Тебѣ гремишь хвала!

Увы, не хочешь Ты хвалы и пѣсни нашей!

Не власпепъ я во грудь всяльшь обратишь
словесь

Неукротимое печенье!

Въ уста спремися вдохновенъ
И бьешь къ Тебѣ, и въ пыль злапую объ
упешь

Дребишя мощнаго запреша...

Но пвени смыслъ въ пыли блеснишь
И благодарностъ; памь горящая, гласишь:
»Мы знаемъ жизнь Твою; и все, Елисавета!

Мы знаемъ все добро, свершенное въ тиши
Твоею ангельской рукою

И, повергаясь предъ Тобою,

Мы молимъ, молимъ всѣ: не выдыхай души
Въ святыкъ скорбяхъ, будь выше боли!

»Живи, живи!« воиншь народъ;

Ты знаешь, какъ тяжель намъ Ангела улѣпъ;

Ты знаешь: такъ уже немного ихъ въ юдоли! «

Неумолимая! Ты не хотѣла жить!...

Ахъ! живи на свѣтъ не могла Ты

Въ поскъ убійственной утраты!

Ты хочешь *тамъ* цвѣсти, сиять и *тамъ*
любишь,

Какъ любишь Ангель вѣчно-юный!
Ты вознеслась! . . . Пѣвецъ, о *Ней*
Ты звучно намъ пропой святую пѣснь скорбей!
»Друзья! я не могу: порвались сердца сшруны!«

Баронъ Розенъ.

19 ОКТЯБРЯ 1828 ГОДА.

Какой волшебною одеждой
Блестала предъ нами мѣръ земной!
Съ какимъ огнемъ, съ какой надеждой,
Съ какою дѣвскою слезою
Мы съ жизнью вступали въ бой.
Но вскорѣ измѣнила сила,
И вскорѣ нашъ огонь погасъ;
Покинула надежда насъ
И жизнь отважныхъ побѣдила!
Мояхъ друзей далекий кругъ!
Подъ воплями осеннихъ вьюгъ,
Но благоспнымъ хранимый небомъ,
При пѣсняхъ, вдохновенныхъ Особомъ,

Опъ бурь и горя вдалекъ,
 Въ уютномъ, мирномъ уголкѣ
 Ты празднуешь ли день священный,
 День, сердцу братьевъ незабвенный?
 Моихъ друзей далекий кругъ!
 Воспомнишь ли въ сей день священный,
 Въ день, сердцу братьевъ незабвенный,
 Меня хотя единый другъ?
 Или судьба меня лишила
 Не только счастья — и любви?
 И не взяла меня могила
 И кончились дни мои?

ПОРТРЕТЪ.

Когда стройна и свѣплова
 Передо мной стоитъ она,
 Я мыслю: гурія пророка
 Съ небесъ на землю сведена.
 Коса и кудри темнорусы,
 Нарядъ небрежный и простой,

И на груди роскошной бусы
Роскошно зыблются порой.
Весны и льда сочешаше
Въ живомъ огнѣ ея очей,
И тихій звукъ ея рѣчей
Рождаетъ нѣгу и желанье
Въ груди поскобленной моей.

А. Подолинскій.

Х О Р Ъ

изъ Колиновой трагедіи:

ПОЛИКСЕНА.

Гѣлюсь, Гѣлюсь!
Тамъ въ безпредѣльности моря
Слова подъемлешь главу
Въ блескъ лучей.
Горе, горе!

Снова я плачу
 Въ сръшенье бога!
 Черезъ пучину
 Съ пляжками вздохами
 Слышишь мои пы спенація!

Смолкните, смолкните
 Вы, разперзанной груди
 Муки жестокия!
 Пльнищъ мнѣ
 Горе, горе!
 Скоро укажетъ мнѣ
 Грозной рукою Грекъ:
 Скоро сокроеся
 Берегъ священный опечества!

Троя! Троя
 Ты не Элипами
 Ринута въ прахъ:
Гибель! гибель!
 Было грозныхъ безсмертныхъ
 Вѣчное слово.
 Пала — отгрянулъ. Воспокъ,
 Западъ содрогнулся....

Троя! Троя!
 Теба любимица,
 Матерь воиншей,
 Жизнью кипѣвшая!
 Нынѣ пустыня, уголь, прахъ,
 Нынѣ гробъ!
 Плачьте, о плѣнницы!
 Вашихъ супруговъ гробъ,
 Вашихъ дѣтей!
 Выплачьте горькую,
 Выплачьте жизнь вы слезами!
 Рокъ вашъ: плакашь, плакашь,
 Къ долу прилечь,
 Умерешь!

Баронъ Дельвишъ.

Э Л Е Г И Я.

Мечты любви — мечты пустыя!
 Я вѣрно знаю ихъ; онѣ
 Не разъ победы удалыя
 И рай предсказывали мнѣ.

Я пѣть се, и ждалъ чего-то,
 Снизхамъ внимала красота....
 И ошвѣчали мнѣ зѣвовой
 Ея пурпурныя уста;
 Я произнесъ любви признанье —
 И скучень былъ нашъ разговоръ!
 Все суеша! улыбка, взоръ —
 Прекрасно ваше предвѣщанье;
 Но вы, почтеннѣйшія — вздоръ.
 Мечны любви не стóяпъ горя:
 Прельспяпъ, обмапушъ хуже сна;
 И что любовь? — одна волна
 Большаго жизненнаго моря!

Н. Языковъ.

Э П И Л О Г Ъ.

Недолго мнѣ подѣ эпимъ небомъ,
 По здѣшнимъ доламъ и полямъ
 Скипашься, брошенному Обомъ
 Тоскѣ и скукѣ и друзьямъ!

Теперь — священныя желанья
 Законно царствуютъ во мнѣ;
 Но я, въ сердечной глубинѣ,
 Возьму съ собой воспоминанья
 О сей пѣмецкой сторонѣ.
 Здѣсь я когда-то жизни сладость
 И вдохновенье находилъ:
 Игралъ избыткомъ юныхъ силъ
 И воспѣвалъ любовь и радость;
 Здѣсь мнѣ прелестно день за днемъ
 И ночь за ночью пролетали

.

Вонъ лѣсъ и дремлющія воды
 И лугъ прибрежный, и кругомъ
 Спаринныхъ липъ густые своды,
 И яркій мѣсяцъ надъ прудомъ.
 Туда, веселые, бывало
 Вапаги вольницы удалой
 Сходились, дружнымъ шоржесивомъ
 Знаменовать свой день великой:
 Кипѣли звуки пѣсни дикой,
 Стекло сшибалось со стекломъ;

Косперъ бурлилъ и разливался
И лѣсъ угрюмый пробуждался,
Хмельнымъ испуганный огнёмъ!

Вонъ площадь: тамъ, пышна, явилась
Ученыхъ юношей гульба,
Когда въ порфиру облачилась
Россія новая судьба.
Бренчали бубны боевые,
Свиспалъ пронзительный гобой:
Подъ ладъ ихъ, бурный и живой,
На удивленной мосповой
Вершались пляски круговыя;
Подобно лону гнѣвныхъ водъ
Ширь волновался громогласной —
И любопытныхъ шѣсный сходъ
Смотрѣлъ съ улыбкой сладостраспной,
Какъ Бахусъ попчивалъ прекрасной
Свой разыгравшійся народъ.

О юность, юность! сонъ лепучій,
Роскошно свѣтлая пора!
Приволье радости могучей,
Свободы, шуму и добра!

Мои шоварици и други!
 Гдѣ вы, мнѣ милые всегда?
 Какъ наслаждаешься? Куда
 Перенесли свои досуги?

Я помню васъ. Тебя, герой
 Любви, раширы и бушылки,
 Самонадъянный и пылкій
 Въ пошѣхахъ пѣги молодой!
 Съ твоимъ прекраснымъ идеаломъ
 Тебя Киприда не свела:
 Полна любви, чиста была
 Твоя душа, но въ пѣль маломъ
 Она, великая, жила!
 Теперь волшебницу ную
 Богошворницъ безопасно пы:
 На жизнь рѣшипельно - пустую
 Ты промѣнялъ свои мечпы
 Про славу, Русь и дѣвъ Ираца!
 И гдѣ жь? въ К.... наконецъ
 Блаждаешь, дружбы и спакана
 И сладкой вольности бѣглець!

.

 *)

А ты, спрадалецъ пѣги помной,
 Невольникъ здѣшняго жипья,
 Ты, изльвившійся, какъ я,
 Какъ я, свободно - бездипломной!
 Люблю себя, проказникъ мой,
 Въ пиши поющаго почной;
 Люблю на праздникъ за ромомъ,
 Въ разгуль, горь и мечнахъ;
 Въ ученыхъ спорахъ и прудахъ;
 Съ мечемъ, цѣвницею и ломомъ!
 Чшо медлишь ты? спасайся, брапъ,
 Не здѣсь нвое предназначенье:
 Уже намъ вреденъ чуждый градъ
 И задушаетъ вдохновеенье!

1) Пропущенныя здѣсь восемь стиховъ доста-
 влены были прежде, отдѣльно, издаателямъ
Подписьника и помѣщены на 160 стран.

Покинь спакаповъ хмель и спукъ!
 Бѣги, ищи иной судьбины!
 Но да цѣвѣшупъ они, мой другъ,
 Сии ливонскія Аѳины!
 Не здѣсь ли пѣкогда, мила
 Насъ юность рѣзвая ласкала,
 И наша дружба возрасла,
 И грудь живая возмужала
 На правовѣрныя дѣла?

О, будь же вамъ благодаренье,
 Вы, коихъ знанья, вкусъ и умъ
 Блюли порядокъ нашихъ думъ,
 Въ насъ водворили просвѣщенье!
 Всѣмъ вамъ. Тебѣ жь *κατ' ἐξοχήν*
 Наставникъ нашъ, хвала и слава!
 Душой воспитанникъ Камень,
 А пѣломъ — ровня Болеслава,
 Мужъ государственныхъ наукъ!
 Не удалось мнѣ съ тобою
 Прощальный празднованье досугъ
 Виномъ и пѣснюю кругового!
 Тамъ, тамъ, гдѣ шумно облегли
 Эстонскій градъ морскія волны,

Въ песчаномъ берегу, вдали
 Твоей опической земли
 Твой прахъ покоится безмолвный;
 Но я, какъ благо лучшихъ дней
 Тебя донынѣ вспоминаю,
 И здѣсь, съ богинсю моею,
 Тебѣ, учишель, воздвигаю
 Нерукопворный мавзолей!

Такъ, вопиѣ мои воспоминанья,
 Безъ шоргу купленныя мной!
 Святаго полный упованья,
 Съ преобразившейся душой,
 Бѣгу надолго въ край родной,
 Спасаю Божьи дарованья.
 Тамъ, вольный родины пѣвецъ,
 Я просвѣплю жизнью новой
 И гордо сброшу мой лавровой
 Виномъ обрызганный вѣнецъ!

* * *

ПРОЩАЛЬНЫЕ ПОЦЪЛУИ.

Сердце что - то приуныло ,
Въ немъ надежды огонь погасъ :
Поцѣлуй меня , другъ милой ,
Поцѣлуй хоть разъ !

Можешь быть , волшебной силой
Оживить меня сей часъ .
Поцѣлуй меня , другъ милой ,
Поцѣлуй хоть разъ !

Разъ? нѣтъ , мало! — Легче бь было
Мнѣ услышать твой опказъ ;
Поцѣлуй еще , другъ милой ,
Поцѣлуй не разъ !

Александръ Корсакъ.

ПОДРАЖАНІЕ ДРЕВНИМЪ.

Къ чему богатство? — Домикъ мой
 Друзьямъ, спасибо, не пропивенъ;
 Не страшень въ пемь ни вихрь, ни ливень,
 Ни зимній хладъ, ни лѣтній зной.
 Найдется трапеза прасная:
 Плоды, млеко домашнихъ козъ;
 Найдется чаша круговая
 И благодать фалернскихъ лозъ.
 Прійди любимецъ Аполлоновъ —
 Козла дамъ въ жертву я богамъ;
 Прійди *она* — пол-спада дамъ
 И нѣспѣ числа земныхъ поклоновъ!..

Ищастливый.

П Ъ С Н Я.

» Дѣдушка! « дѣвицы
Разъ мнѣ говорили,
» Нѣшъ ли псбылицы
Иль спарникой были? «

— Какъ не быть! — уныло
Краснымъ опивчалъ я;
— Сердце васъ любило,
Такъ чего не зналъ я!

Было время! Гдѣ вы,
Годы золотые?
Какъ плѣняли дѣвы
Въ ваши дни былые!

Ужь онѣ — старушки;
Но онѣ нихъ, порою,
Много на подушки
Слезъ пролило мною.

Душу волповади
Ихъ уша и очи,
По огню бѣжали
Дни мои и ночи. —

» Дѣдушка, « толпою
Дѣвнцы вскричали,
» Жаль намъ, а шобого
Бабушки играли!

Какъ не спыдно! злыи,
Вопь надъ кѣмъ шупнили!
Нѣшь, мы не пакія,
Мы бѣ тебя любили! «

— Вы бѣ любили? сказки!
Вѣры мнѣ пеймешя!
И на ваши ласки
Дѣдушка смѣешя.

Баронъ Дельвицъ.

РУСКАЯ ПЬСНЯ

Слова Барона Давидова, музыка. М. Н. Глинки.

Allegretto

Музыкальный фрагмент в 2/4 такте, тональность Б-бемоль мажор. Включает вокальную партию и фортепиано-сопровождение.

Дюдушка, съ-ви-цы разъ мнѣ го-во-

Музыкальный фрагмент в 2/4 такте, тональность Б-бемоль мажор. Включает вокальную партию и фортепиано-сопровождение.

ри-ли, нѣтъ-ли не-бѣ-ли-цы

Музыкальный фрагмент в 2/4 такте, тональность Б-бемоль мажор. Включает вокальную партию и фортепиано-сопровождение.

лю старин-ной бѣ-ли ?

tr .. tr ..

sf

sf

sf

нѣтъ ли не-бѣ-ли-ца

tr .. tr ..

ль старинной бѣ-ли?